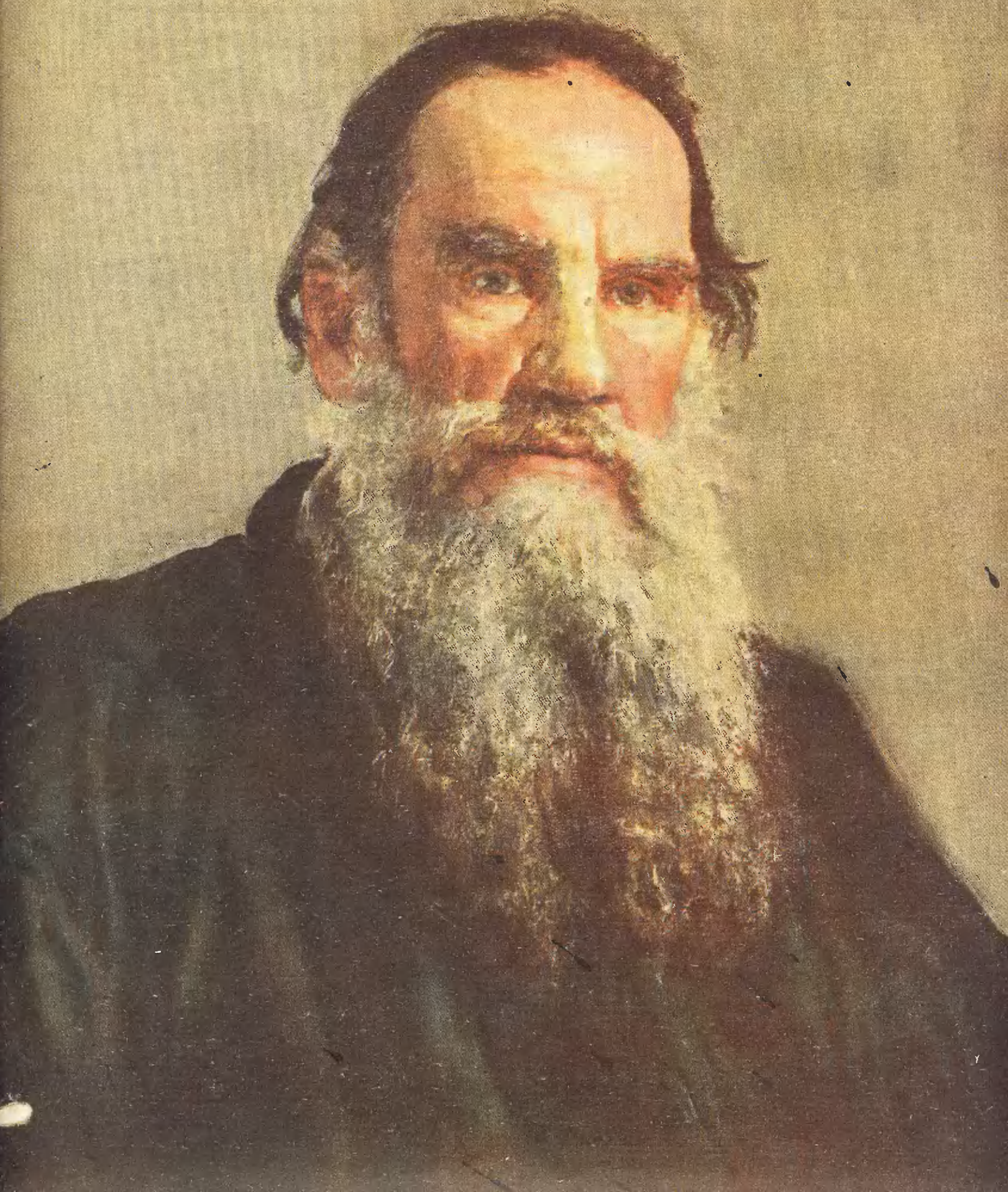

12 мес.	9 мес.	6 мес.	3 мес.	1 мес.
8 р.—к.	6 р.—к.	4 р.—к.	2 р. 10 к.	—р. 75 к.

КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗД-ВО ПИСАТЕЛЕЙ

„НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ“

Москва, ул. Герцена, 10/2,
телефон 4-64-17.

К ЮБИЛЕЮ ЛЬВА ТОЛСТОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЫПУСКАЕТ КНИГИ:

ЛЕВ ТОЛСТОЙ. Критические статьи
о Толстом (из серии „Классики
в марксистском освещении“)

Л. ГРОССМАН. Собеседник Толстого—
РОМЭН РОЛЛАН. (К приезду писате-
ля в СССР на юбилейные торжества.)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА:

**Библиотеку современн. писателей
для школы и юношества,**
в 16 выпусках, цена 15 рублей.
(Вышла полностью.)

**Критическую библиотеку совре-
менных русских писателей,**
в 15 выпусках, цена 18 руб. без
пересылки, переплет 4 руб. 50 коп.
(Вышла полностью.)

**Галерею современных русских
писателей,** в 3 сериях, цена 25 руб.
(1 и 2 серия вышли из печати, 3-я
печатается.)

Серию „Классики в марксистском
освещении“, в 15 выпусках, цена
19 руб. 20 к., переплет 4 руб. 80 к.
(Вышли из печати 4 книги, остальные
находятся в печати.)

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, ул. Герцена, 10/2, Кооперативному Изд-ву Писателей „НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ“.

ВЫШЕЛ из печати ЖУРНАЛ

МОДЫ ПАЛЬТО и КОСТЮМЫ

Сезон 1929 года.

Цена 1 р. 75 к. при высылке
денег вперед и 2 р. при вы-
сылке паложением платежом.

Требования и деньги направ-
лять: МОСКВА, 9, Тверская,
Георгиевск. пер., д. 2, изд-ву
„РЕКОРД“. А. А. Лобанову и К°.

Д-р Н. В. СЛЕТОВ.

ВРАЧЕБНАЯ КОСМЕТИКА

С 12 рисунками: 4-е изд.—Настоль-
ная книга для каждой женщины.
Цена 3 р.; налож. плат. 3 р. 30 к.

ПОЛОВАЯ НЕВРАСТЕННЯ

ее причины и лечение с рисунками;
3-е издание, значит. дополненное.
Цена 2 руб. 60 коп.; наложением
платежом 2 руб. 85 коп.

Требования и деньги направлять:
Москва 9, Георгиевск. пер., 2, изд-ву
„РЕКОРД“. А. А. Лобанову и К°.

МЕМУАРЫ, посвящ. литерат. делу
и творчеству знам. писателей.

А. П. ЧЕХОВ.
Наиболее интер. воспомин. и пись-
ма, отраж. его жизнь и творчество.
464 стр., с 6 иллюстр., в пер. и худ. облож.
ЦЕНА 2.90.

П. В. АННЕНКОВ.
Выд. мемуарист, врачеват. в кру-
гу революционеров Запада, знако-
мый с к. Марксом и Энгельсом. Вос-
помин. его имеют огромн. и неслуч.
ценность.
ЦЕНА 3.40.

Д. В. ГРИГОРОВИЧ
Автобиограф. воспомин., охват. 40—
60 годы и жизнь знам. писателей,
написаны живо и увлекательно.
515 стр., 41 иллюстр., в пер. и худ. облож.
ЦЕНА 2.60.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ВРАЖДЫ.
Переписка Достоевского и Тургене-
ва. Печатается впервые, дает ин-
тересный материал для биограф. 2-х
тысяч русск. литерат.
ЦЕНА 1.50.

200 стр., с 11 иллюстр.
в пер. и худ. облож.
Высказавшие д-ры или др. за пересылку не платят.
Изд. „АКАДЕМИИ“ Москва, 9,
Тверская, 26/Н.

ГОСУДАРСТВ. ПОЧТОВО-
ПОСЫЛОЧ. ПРЕДПРИЯТИЕ
УНИВЕРПОЧТ
МОСКВА, 12, Москва-
рекая ул., д. № 24 А

ГИТАРЫ: 18, 21, 24, 27, 30, 35, 40,
45 руб. и дорожж.
МАНДОЛИНЫ: 13⁵⁰, 16, 18⁵⁰, 21,
24⁵⁰, 27, 30 руб. и дорожж.
БАЛАЛАЙКИ: трехструнные: 4 руб.
75 к., 6, 7, 8, 10, 12, 13 р. 50 к.,
15, 25 р. и дорожж.; 4-струнные—
на 85 к. и 6-струнные—на 1 р.
85 к. дорожж.
ГАРМОНИИ: венские, двухрядные
21 клав. 12 басов—47, 50 и 63 р.;
23 клав. и 12 басов—75, 82⁵⁰,
100, 110 и 150 р. Полувенские—28
и 36 р. Невск.—3 р. 50 к., 5 и 10 р.
ГРАММОФОНЫ: безручные 1-пру-
жин.—57⁵⁰, 65, 80, 100 р. и дорожж.;
2-пружин.—65, 75, 86 и 95 руб.;
3-пружин.—110 и 125 р.; руно-
вые—62, 88, 95, 105, 102 и 130 р.
ГРАММОФ. ИЛЛЮСТ. заграничные
кор. 200 шт.—1 р. 25 к.
ГРАММОФОННЫЕ ПРУЖИНЫ от
4 до 9 руб. 50 к.
МЕМОГРАФЫ от 8 до 14 руб.
ЗАДАТОК 25%. Остальн. на-
лож. платеж. Упа-
ковка и пересылка за счет
заказчиков.
Общий прейс-куронт 30 коп.
(Можно почтой, марками)

Акционерное О-во „ГАРМОНИЯ“
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОР

СТРУННЫХ

—ИНСТРУМЕНТОВ—
(БАЛАЛАЙКИ, ГИТАРЫ,
МАНДОЛИНЫ, ДОМРЫ,
БУБНЫ и др.) и ГАРМОНИИ.

Новый полный иллюстрированный прейскуронт всевозможных струн-
ных инструментов. высыл. за две восьминкоп. марки, вложен. в конверт.
Правление, главный склад: Москва, Центр. Маросейские, 15

Проф. Г. ВАН-ЛУН.
„ИСТОРИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА“.
В 2 том., 500 стр. больш. форм.,
с мног. иллюстр. Перев. с посл.
англ. изд., разошедш. в коллич.
1.000.000 экз.
Цена за 2 т.—4 р., в перепл.—
5 р. 50 к.

**ЗАЩИТА
И НАПАДЕНИЕ.** Ловкость и
силу тренирует единств. руко-
во. по ФИЗИКУЛЬТУРЕ: БОРЬБА,
ВОДО, ФЛЕКТОВ, СТРЕЛЬБА,
Франц. борьба, Влижи, бой и на-
дистанц. Запрещенные удары.
Тренировка. Офиц. правила
стрелк. спорта. О 75 снимк.
Стр. 228. Сост. Короновский.
Ц. 1 р. 35 к.

ДЕШЕВЫЙ СТОЛ
Сост. по Е. МОЛОХОВЕЦ.
Настольная поварен. книга. Раз-
нообразит пищу, меню в 450 разн.
блюд (завтраки, обеды, ужины,
десерты, настольны, печенье и
т. п.). Указывает питательн.
блюда мясной и вегетарианск.
пищи. Удешевляет стол. Ц. 1 р.
ГРИБЫ—как собирать и бес-
платно заготовлять,
сушить, отваривать. Сост. проф.
Голубский. Изд. в краск. 1911 г.
Ц. в перепл. 2 р. 50 к.

ЛЮБУЮ КНИГУ как новую
в 3-дневный срок высыл. налож-
ением. платежом. Москва, Поли-
технич. музей, п. 110/Н. Кооп.
т-во „КУЛЬТУРА и ЗНАНИЕ“.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Рис. Н. Надалицына

1928
1828

О значении юбилея

Льва Толстого

А. В. Луначарский

I

Лев Толстой импонирует миллионам и миллионам людей в нашей стране и за границей с двух сторон: во-первых, как великий художник, во-вторых, как великий праведник.

В известной степени эти двалика Толстого сливаются и поддерживают один другого.

Толстой-писатель поражает двумя чертами, несомненно связанными с его «праведничеством». Форма его произведений представляет собою доведенную до совершенства простоту. Толстой в своих произведениях хочет быть честным как в том, что он воспроизводит под влиянием природы, так и в том, что является продукцией его творческого воображения. Воспроизводя, он хочет изобразить пейзажи, явления, вещи, лица, разговоры с совершенной точностью, передавая только то, что есть самого важного, и улавливая вместе с тем жизненность и полноту передаваемого. В этом смысле Толстой и является великим реалистом.

Но таким же реалистом оказывается он и в области своего творческого воображения. Оно столь насыщено явлениями и законами живой природы, т. е. средой и людьми, что никогда не изменяет ему: оно всегда глубочайшим образом правдоподобно и убедительно.

Эта форма появилась у Толстого неслучайно. Можно, конечно, представить себе такого реалиста, который стал бы искать в своих изображениях максимального сходства с природой ради, так сказать, фокуса плавности полной правдивости, но такой реализм только фокус и дает: получается синхрон с природой ради, но при всем, иногда детальном, сходстве жизнь улегучивается.

Толстой стал реалистом не ради этого фокуса, а по своему необычайно честному отношению к искусству. Искусство никогда не было для него виртуозничеством. Он никогда не относился к нему, как к развлечению. Он всегда верил, что искусство—это есть умение заражать своим глубочайшим думам и настроениям читателя. Содержание для него было так же важно, как и форма. Он выбирал такую форму, которая самым простым и сильным образом доводила это содержание до сознания слушателя, охватывала его всесторонне и с потрясающей силой.

Таков Толстой художник по форме. По содержанию же Толстой и в художественных своих произведениях всегда был правдоискателем, всегда хотел установить ка-

кую-то успокаивающую, положительную точку зрения на такие «страшные» проблемы, как смерть, как грех, как социальное неравенство.

Все это придало его искусству ту громадную силу, которая выдвинула его в первые ряды мировых гениев.

II

Равным образом, и Толстой-праведник, и Толстой-моралист очень многим обязан своему художественному таланту. Конечно, во-первых, Толстого не стали бы слушать так, как его слушают, если бы он не пришел к людям уже увенчанным венком славного художника. Кроме того, Толстой много раз обращался непосредственно к своей кисти художника для моральной проповеди. В таких, например, произведениях, как «Воскресение», очень трудно сказать, имеем ли мы дело с художником, проводящим известную моральную тенденцию (как в «Анне Карениной») или с моралистом, который свои моральные проповеди для большей силы одел в художественную форму. Еще яснее это в чисто моральных рассказах и сказках Толстого (типа «Чем люди живы», «О курином яйце», «От пес все качества» и т. д.). Кроме того, художественный гений Толстого, его умение и опыт говорить просто и убедительно разлиты почти во всем его моральном произведении, а равным образом по письмам и дневникам и, конечно, значительно усиливают убедительность его проповеди.

III

Несмотря, однако, на то, что Толстой-художник и Толстой-моралист в известной степени синхронны, мы все же можем не только различать их, но даже и противопоставлять. Художник всегда является хотя и преображенным, но все же эхом жизни. Художник потому творит в конкретных образах, что сам он является человеком повышенной жизни. Великий художник всегда натура крайне впечатлительная, страстная, богатая. Толстой был всем этим в великой мере.

Прав был Ленин, когда он с высокой похвалой отзывался о литературном портрете Толстого, сделанном Горьким. Горький, сам крупнейший художник. Горький великолепно почувствовал в Толстом именно это богатство натуры. Оно, это буйное богатство натуры, обостренное, с одной стороны, страх перед столь возможным у такой страстной натуры грехом и перед столь ужасной для такой богатой жизни смертью, — прорывало постоянно ткань

толстовского «мира», его «теорий», его «праведности» и, как горячая лава, выливалось сквозь кору «учения» подчас великой правдой о самых глубинах человека. Вот почему Толстой, как художник, ценен всечеловечески, хотя, конечно, и как художник он носит на себе черты классовости, а именно является барином, отвергающим всю буржуазную культуру его времени (без малого всю культуру) и прячущим свой барский протест за крестьянской правдой. Но все же и в этой классовой оболочке Толстым развернуты такие богатые, глубокие картины, что Ленин, не обинуясь, заявил о важности произведений Толстого для всех людей, при том даже при социалистическом строе.

IV

Совсем не то Толстой-проповедник. Правда, и здесь есть положительные стороны. Толстой выражал собою крестьянский протест против всей надстройки, угнетающей крестьян, находил слова жгучей ненависти и разоблачения, полные горькой правды против государства, собственности, церкви, семьи и т. д.

Но эти превосходные инвективы смешаны у Толстого с положительным учением, сводившимся к отказу от культуры, к приписанию жизненных потребностей до мелко-крестьянского уровня, к непротивлению злу насилем, к отзыву человека от живой жизни к так называемой вугрешней жизни, которую Толстой сам определял, как «жизнь в боге», впадая тем самым в тяжелейший мистицизм, несмотря на все свои старания остаться рационалистом. Этот букет толстовского учения является совершенно непримлемым для передового человечества. Если еще во времена Толстого положительные стороны его морально-общественного учения были достаточно ценны, чтобы хоть несколько уравновешивать отрицательные стороны — азиатчину, пассивность, мистику, то в настоящее время, когда все эти «идолы», в которых Толстой направлял свои стрелы, более или менее сокращены, и положительные стороны его философско-публицистической работы устарели, отрицательные выдвинулись, как возможная основа для попыток крестьянско-мещанского сопротивления идеям коммунизма под знаком «пассивной любви», «мира всему миру» и отрицания классовой борьбы, то-есть единственной основы, единственного пути для спасения человечества из всей лжи и муки, которые сам Толстой так хорошо ощущал.

Из записных книжек Л. Толстого

Публикуемые заметки Л. Толстого извлечены из его записной книжки 1856—1863 гг., одной из тех многочисленных (до сорока) записных книжек, которые будут вместе с дневниками полностью напечатаны в юбилейном (90—95-томном) издании первого полного собрания произведений Л. Толстого.

Охватывая период времени почти в шестьдесят лет (с начала 1850-х гг. по 1910 г.), записные книжки Льва Николаевича по своему

очень ярко отражают этапы его творчества, разнообразие его интересов, круг наблюдений и знакомств, темы его занятий и работ, его домашний быт и т. д., и т. д.; в коротких, беглых, иногда непонятных нам записях проходит перед нами необыкновенная жизнь этого необыкновенного человека.

Записные книжки 1900-х годов представляют в большей своей части собрание мыслей религиозно-философского характера. Состав более ранних книжек разнообразнее. Здесь наряду с набросками, часто являющимися как бы художественными миниатюрами, дающими в необычайно сжатой, скажем так, «теплой» и «эмоциональной» форме отдельные произведения и чуть ли не целые художественные произведения, наряду с изумительными по тонкости зарисовками пейзажей, — эти миниатюры к большим полотнам, — и записями мыслей, мы имеем большое число и хозяйственных, деловых записей и адреса, и записи расходов, и вообще все то, что наполняет собой записные книжки и обыкновенных людей.

Именно такого рода — «записная книжка», из которой извлечены

публикуемые записи. Порядок их нами сохранен полностью, никакой «перетасовки» мы не сделали, ограничившись лишь исключением записей, которые или не представляют большого интереса в журнале или без комментария непонятны.

М. Цявловский.

23 мая 1856 г. Летний июньский вечер в самом начале, 5-й час, рожь начинает колоситься трубкой, темнозеленая, и трава такая же. Мимо кустов травы и низких дубовых кустов все как-будто мелькают серенькие зверки, как-будто зайцы. Это тени облаков.

Майское раннее утро, 7-й час, после дождя ночью, сильный северный ветер. Крапива, смородина, тополь, тополи бледными сторонами листьев выворочены. Солнце блеснит, но не совсем, сквозь серые длинные тучки. В железде скверно и знобит.

Река в полдень. Ясно. Ветрено против течения. Вся живая, рябит, но не течет, большая лодка. Один гребец гребет двумя веслами, как-будто с места не двигается.

Сын каждый день ходит крестить свою мать, прощаясь, ежели даже она спит. Мать 80 лет чахоткой умирает с горя через год после смерти сына и в продолжение этого года не верит его смерти.

Тропинка в колосившейся ржи, тучи сизые над березовой рощей, сырость в лицо, но тихо, не шелухнется. Как-будто все чего-то ждет с благоговением.

26 мая. Часто мужика за нечестный поступок сразу называешь мерзавцем, как-будто название, присвоенное людям, поступающим дурно, объясняет его поступок, тогда как нашего брата за такой же поступок называешь жалким, слабым.

Причины увлечения к злу нашего брата мы имеем средства объяснять, поставив себя на его место, тогда как нравственная жизнь мужика слишком далека от нас и неизвестна для того, чтобы мы могли подвести извинительные причины, ежели бы даже и хотели.

Физические труды и страдания прокладывают на лице поперечные морщины; умственная усиленная деятельность — продольные; нравственные бессильные страдания — на лбу, над носом собирают крупные мясистые морщины. У челове-

ка, который вел умеренную добрую жизнь, звездообразные морщины. Преобладание плотской жизни — морщины на нижней части лица, преобладание духовной — на верхней. Вообще физиология морщин может быть очень верна и ясна.

Первое условие популярности автора, т. е. средство заставить себя любить, есть любовь, с которой он обращается со всеми своими лицами. От этого Диккенсовские лица — общие друзья всего мира, они служат связью между человеком Америки и Петербурга; а Теккереи и Гоголи верны, злы, художественны, но не любезны.

28 мая. Ясная. Ни на ком так не поразительны ложные мысли, как на том, который присвоил их только из подражания.

Глухое место, запах, крапива, разваленный кирпич в тени ракиты от жара. Сильно впечатление воспоминаешь.

31 мая. Утром часов в 7 едешь по пыльной дороге, обсаженной деревьями, и сквозь них солнце местами бьет на дорогу, и жарко, и прохладно.

Вечером часов в 9 месяц еще не светит, я сплужу у окошечка, пыль смиренно лежит на дорожке между мелкой кудрявой запыленной травой. Прошли мальчишки, сняв шалки. Думаю, что я их не вижу, они надели шалки, весело засмеялись и быстро побегали под гору, босыми черными пожелтевшими поднимая пыль. Что им весело?

Звук просыпающихся галок с балкона, горляки, кукушки, иволги, лягушек в саду и мелких птичек воробьев, малиновок и неизвестных. С двора слышны гуси, которых выгоняют, и девичьи голоса.

Девки босиком в розовых платках ходят в утро троицы на дня по мокрому от ночного дождя лугу собирать цветы для венков в церковь.

Вчера выпный поверенный Беленко, красный, как говядина, старичок, знающий околдов, как свои карманы, рассказывал Валерьяну про соседние имена; большую часть описаний он начинал так: «Тоже мужичонки раззорены, по богатое именье».

Ужасно жарко, 2-й час, иду мимо амбаров по сохнувшей дороге, пахнет мукой, пылью и беленой.

На изразцовом резном столике вечером стоит в стакане вода, которая позеленела. Сирени и розон почти бутонем увядает и пахнет сильно.

Бывает, что в голове что-то мерно пессимно шепчет и никак не можешь не слушать.

Немцу - каретнику понравилось местоположение мельницы, он, не зная дела, напаял ее и разорился кругом.

Едешь после заката солнца лугом, рысью. Росистый холод в лицо и запах меду в Крыму, а здесь полыни.

Жена поет сквернейше, мужу совестно, что он так счастлив, и он старается скрыть самодовольство. Едешь в жар, пахнет кожей от уздечки.

Проезжаешь по тому месту, где прошло стадо, так и пахнет запахом бычка, который, с белыми кружками около глаз, слюнявя ест из рук хлеб с солью.

Странно, что склонность к любви и справедливости не только редко сходятся, но всегда бывают одна в ущерб другой.

В саду на жару лежала молодая красивая баба рабочая, задрав белые ноги, и распластавшись грызла соломинку.

Дерев стволы, окрашенные тепью, как-будто движутся, перебегая друг за другом, а это я иду.

8 июня. Эпитет сильный, в конце не только другого, но глагола, даже вводного предложения, чрезвычайно силен.

12 июня. Народ смотрит на молебствие, как на средство пустить воду с неба, будто кран отвернуть.

Мужик ослеп от натуги, как лошадь. Ему 25 лет. Он пахнул в городе работу, вертеть колесо на машине.

Бывают, особенно между кушцами, такие: тонкой, хорошо сложенной, по как-то развешенной, с мрачным взглядом, желает говорить красноречиво и с мрачной решительностью говорит вздор ужасный.

Теккерей до того объективен, что его лица с страшно умной иронией записывают свои ложные, друг другу противоположные взгляды.

Жена боится грозы. Они молодые. Муж ведет ее гулять, а черная туча нависла. Она прячется ему под шинель, смеется и плачет.

Все мы ждем чего-то от жизни — переворота, иногда полагая его в новом платье, говоря: вот тогда пойдет все иначе. Желюсь и тогда все другое. И умрешь не дожدهшься.

Вечер ясный, и гнет воюю пруда, одна баба моет белье, галки на балконе убираются на почлег, мужик на сохе едет мимо.

Когда молод, встречая в жизни прелестные лица и вещи, думаешь: нечего обращать особенное внимание, еще не раз и лучше встречу, а проживешь всю жизнь и не встретишь больше.

Тетушка Пелагея Ильинична, приехав ко мне, удержала от монашества только черную повязку и низкие поклоны, и ей страшно, что вдруг не останется между ей и нами никакой разницы, а все неудачи жизни, все ошибки оправдываются и объясняются для нее этим будто бы отречением от света.

Две праздные старушки беседуют, одна говорит: погода хороша, другая говорит: а теперь нужно дождя. Первая говорит: «этак богу надосет — тот того хочет, тот другого, скажет, убирайтесь вы все». «Так зачем он нас таких сотворил?»

Девчонка сидит на берегу пруда и что ни видит, все поет: птичк-а-а леги-ит, ба-рин купаться хочи-и-ит.

Мужик утонул, его вытащили. 2 бабы пришли, палочкой открыли его лицо и убежали, махая локтями, потом прибежали маленькие девчонки, потом толпа, мать и сестры стали выть, старуха села: «желанный мой братец, у кого спросился, что ты ничего не скажешь». Отец его рассказывает, как это случилось: он приехал да и говорит: дай палью бочку да и поеду, да как взялся за бочку, сорвался, так вот в это самое место и пошел ко дну». Ему доставляет удовольствие, что он так хорошо это объясняет, что все это так приходится. Потом этот же отец, жалующийся на судьбу, говорил, что так было хорошо, все пошло, так было славно, подкатился к засечному солдату и он подавал леску на избу, и хорошо бы, а лошадь околела, а теперь вот. — Обычай голошенья совершенно противоположен общему духу спокойствия и сдержанности русского народа. Тут дело в том, чтобы разжигать горе.

Едешь рысью вечером по дороге между рожью, которая цветет. Запах свежести и ржаного цвета так и обхватывает.

8 июля. Сельская церковь, обсаженная плакучими березками. — Сколько в ней разных душ обвенчано, крещено, похоронено.

Ливен рассчитывает, сколько раз в походе дохнет каждый человек, и находит, что выходит интересная цифра.

14 июля. Вечером сидишь на балконе, стрижи делают круги над домом, иногда один отделяется и, как пуля, звуком пролетает над головой.

Животно: зелень мутная с желтыми цветами на межах, мужики повязаны платками и в картузах, бабы, коленка голая, родильница, как лошадь, повалилась на живые всем боком и кормит ребенка, мальчишка укачивает другого.

Старушка не может ездить, сделала мерку на стене ребенка, которого обожает, и ждет, чтоб он приехал помериться.

25 октября. У моих приятелей литераторов, старых холостяков, у всех одна общая грустная черта: встречаясь с человеком, они считают необходимым вперед определить себе его характер и потом это мнение берегут, как красивое произведение ума. С таким искусственным, мелким знанием нельзя любить и поэтому знать человека.

25 ноября. Человек всегда хвалит другого так, чтобы дать почувствовать, что все-таки я лучше.

18 декабря. Придворные искренно с жаром работают для утверждения деспотизма, который будет давить и их, как машинист с наслаждением делал гильотину.

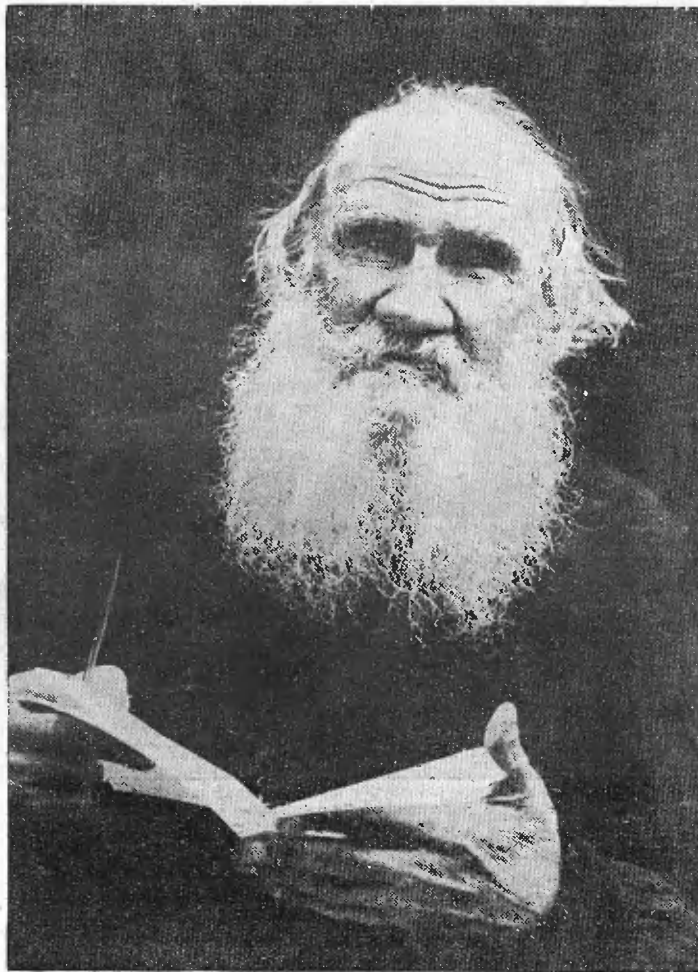
1857. 4 января. Чтобы истинно понять поэта, надо понять его так, чтобы, кроме его, ничего не видеть, и поэтому только тот, кто способен истинно понимать поэзию, может быть несправедлив к другим поэтам.

13 апреля. У Бальзака в образах возможность, а не необходимость поэтическая.

Стоит надеть на человека мундир, отдалить его от семейства и ударить в барабан, чтобы сделать из него зверя.

2 мая. Англичане все читали Шекспира, Байрона, Диккенса, все поют, играют, в церковь ходят, семьяне, но все это — удобства жизни, а не потребность внутреннего мира — он спит.

1 июня. Пьянство в жизни необходимо. Если не пьянство наслаждения, то пьянство труда.

Лев Толстой

Ленин и Плеханов о Толстом

Ленин и Плеханов дали в своих статьях всестороннюю оценку Толстому, как художника и мыслителя. При единстве точки зрения, оба они представители метода диалектического материализма, их статьи взаимно дополняют друг друга, поскольку разные моменты в литературной деятельности великого писателя они раскрывают. Ленин преимущественно говорит о Толстом, как художнике, а Плеханов — преимущественно о Толстом-мыслителе. Ленин дал блестящий социологический анализ творчества и учения Толстого и на основе этого генезиса дал оценку, показал достоинства ху-

дожника и слабые стороны мыслителя Толстого. Он же раскрыл отношение Толстого и к Толстому движущих основных сил русской революции — крестьянства и пролетариата. Плеханов, писавший в то время, когда работы Ленина были уже опубликованы, взял для изображения другие стороны в творчестве и морально-политическом учении Толстого. Он вскрывает несостоятельность, слабость и общи-е противоречия у Толстого, как философа-моралиста, — несоответствие его учения с мирозерцанием социалистического пролетариата и приемлемость Толстого для идеологов выс-

ших классов. «Толстой — барин, — говорит Плеханов, — до конца ногтей даже там, где он кажется революционером. В его отрицании нет ни одного атома повздорских стремлений». Проведя резкую грань между Толстым и К. Марксом, выразителем идеалов революционного пролетариата, Плеханов делает бесспорным вывод о том, как чужды идеалам Толстого, этого «плюхого мыслителя», пролетариату.

Ниже даем сводку суждений Ленина и Плеханова о Толстом — художнике и мыслителе,

Толстой-художник

Л. Н. Толстой выступил как великий художник еще при крепостном праве. В ряде гениальных произведений, которые он дал в течение своей более чем полувекковой литературной деятельности, он рисовал преимущественно старую, до-революционную Россию, оставшуюся и после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина. Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе.

(Ленин. — «Л. Н. Толстой».)

Гр. Толстой был не только сыном нашей аристократии, — он долго был ее идеологом, правда не во всех отношениях. В его гениальных романах наш дворянский быт изображается, хоть и без ложной идеализации, но все-таки со своей лучшей стороны. Ог-вратительная сторона этого быта — эксплуатация крестьян помещиками — как бы не существовала для Толстого. Иртеньев говорит у него («Юность», глава XXXI): «Мое любимое и главное подразделение людей в то время, о котором я пишу, было на людей comme il faut и на comme il ne faut pas». Второй род подразделяется еще на людей, собственно, не comme il faut и простой народ. Ни один из видов этого второго рода не имел самостоятельного интереса в глазах графа-художника. Если простой народ и выступает на сцену (например, в «Войне и Мире» или в «Казаках»), то лишь для того, чтобы своей непосредственностью отметить рефлексия, раз-едающую людей comme il faut. В этом сказались весьма своеобразные, но в то же время неизбежные консерватизм нашего великого художника. А этот консерватизм, в свою очередь, обусловил собою то обстоятельство, что даже тогда, когда Толстой обратил, наконец, свое внимание на отрицательную сторону дворянского быта и стал осуждать ее с точки зрения нравственности, он все-таки продолжал заниматься эксплуататорами, а не эксплуатируемыми.

(Плеханов. — «Карл Маркс и Лев Толстой».)

Толстой за работой в своем кабинете в Ясной Поляне. (С картины худ. Моравова. Толстовский музей в Москве)

церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной земельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье, и казенно-«надежное», стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны, и когда это старое землевладение неизбежно подмечало самому крутому, беспощадному разрушению. Его непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устой» деревенского быта, несущий с собой невиданный разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис, — все бедствия эпохи «первоначального накопления», обостренные во сто крат перенесением на русскую почву самоповешенных приемов грабежа, выработанных господином Кулоном.

(Ленин. — «Л. Н. Толстой».)

Как бы ни были добры и гуманны эти люди великие художники (Пушкин, Лермонтов, Толстой), несомненно все-таки то, что дворянский быт изображается у них не со своей отрицательной стороны, — т. е. не с той стороны, с которой обнаружилось бы противоречие интересов дворянства с интересами крестьянства, — а с той, с которой это противоречие совсем незаметно

и с которой дворянин, живший более или менее суровой эксплуатацией крестьянина, все-таки оказывается человеком способным понимать и переживать многие важнейшие человеческие чувства: стремление к истине, искание серьезного общественного дела, жажду борьбы, любовь к жемчужине, наслаждение природой и т. п. и т. п. Поскольку богатые дворянские г-з-д-а были способны испытывать эти чувства, постольку они и интересовались художником, а отношение этих людей к подчиненному им сословию или совсем обходилось в художественном произведении или изображении в них почти идиллическими красками. Напомним святочные забавы в рязанском имении графов Ростовых. Отрядом: крепостные слуги наравне со своими господами участвуют в этих забавах, изображенных с таким неподражаемым, несравненным искусством. Рисуя отрядненскую идиллию, Толстой вовсе не задавался целью, чтобы скрыть или скрасить, — об отрядненских крепостных он вовсе и не думал. Его внимание сосредоточено было на изображении любви Николая Ростова к Софье, а участие крепостных в святочных забавах изображено им совершенно мимоходом и просто потому, что нельзя было не изобразить его: вышло бы не согласно с действительностью. Если нарисованные им бытовые сцены оказываются настоящей идиллией, то это не вина художника и не его заслуга. Что же было ему делать, если такие идиллические сцены имели место, несмотря на все ужасы крепостного права. Толстому, конечно, хорошо было известно существование этих ужасов. Но рисовать их он не видел ни малейшей надобности, так как его героями были не крепостные люди, а благовоспитанные, по-своему добрые аристократы, которые непосредственного отношения к названным ужасам вовсе даже и не имели.

Зная наш крепостной быт и дополняя своей собственной фантазией то, что не бы-

мо досказано художником, мы можем не без основания предположить, что тот или другой из отряднейших крепостных забавлявшихся на святках вместе с молодыми господами, был очень скоро после того подвергнут позорному наказанию на конюшне. Но ведь наказывали не молодые господа, не Наташа, не Соня, не Николай и даже не старый граф Ростов. Наказанными в Отрядном распоряжении управляющий Митенька. Стало быть, Толстому нечего было и толковать о наказаниях; у него речь шла именно о господах: о Наташе, Соне, Николае, старом графе и т. д. В дворянских романах, хотя бы и многотомных, мало было места для изображения народного горя.

(Плеханов.—Н. А. Некрасов. К 25-летию его смерти).

Умер Толстой, и отошла в прошлое до-революционная Россия, слабость и беспилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника.

(Ленин.—Л. П. Толстой).

Я считаю Толстого гениальным художником и крайне слабым мыслителем.

(Плеханов.—«Заметки публициста»).

Толстой-мыслитель

Переворот, пережитый Толстым в начале 50-х гг., заключался преимущественно в том, что наш великий писатель вышел из того гипнотического состояния, в которое он попал под влиянием окружавшей его общественной среды, и, находясь в котором, он выступил в нашей литературе как художественный бытописатель высшего сословия. Освободившись от гипноза, он самым резким образом осудил свою художественную деятельность. Это было, разумеется, очень несправедливо; но психологически это было совершенно понятно, как следствие только-что пережитого им переворота.

(Плеханов.—«Еще о Толстом»).

Толстой был и до конца жизни остался большим баринком. Прежде этот большой барин спокойно пользовался теми жизненными благами, которые доставляли ему его привилегированное положение. Потом—и в этом сказались влияние на него людей, думавших о счастье народа и о доле его—он пришел к тому убеждению, что эксплуатация народа, служащая источником этих благ, безразлична. И он решил, что «чуждого воля», дающая ему жизнь, запрещает ему эксплуатировать народ. Но ему не пришлось и в голову, что недостаточно самому воздерживаться от эксплуатации народа, а нужно содействовать созданию таких общественных отношений, при которых исчезло бы деление общества на классы, а следовательно и эксплуатация одного класса другим. Его учение о нравственности осталось чисто отрицательным: «Не сердись. Не буди. Не кланься. Не вуй». Вот в чем для меня сущность учения Христа. И эта отрицательная нравственность была в своей односторонности несравненно ниже того положительного нравственного учения, которое выработалось среди людей, «прежде всего» ставивших «счастье народа» и «долю его».

(Плеханов.—«Заметки публициста»).

Но в таком случае какой же смысл имеет знаменитое толстовское «Не могу молчать!». Какой смысл имеет та его про-

поведь против смертной казни, которая привлекала к нему горячие симпатии во всех странах цивилизованного мира. Только тот, что Толстой не всегда оставался толстовцем.

Только тот, что, провозгласив независимость внешнего мира человека от внутреннего, он вынужден был по временам признавать эту зависимость. Только тот, что, объявив контроль сознания над бытием пущим и невозможным, он вынужден был признавать его и возможным и пущим. Другими словами,—только тот, что его противопоставление «вечного» «временному» не выдержало критики жизни, и что он сам не мог по временам не отказываться от этого противопоставления. Еще иначе: Толстой представлялся своим современникам великим учителем жизни только тогда, когда он отказывался от своего учения о жизни.

(Плеханов.—«Смещение представлений».)

Толстой—один из самых гениальных и самых крайних представителей индивидуализма нового времени. Индивидуализм положил глубочайшую печать как на его художественные произведения, так и, в особенности, на его публицистические взгляды. Неудивительно, что он отразился и на отношении его к природе. Как ни любил Толстой природу, но он не мог бы найти ничего убедительного в доводах Фейербаха против мысли о личном бессмертии. Эта мысль являлась для него психологической необходимостью. А если вместе с жаждой бессмертия в его душе жило, можно сказать, языческое сознание своего единства с природой, то это сознание вело у него лишь к тому, что он не мог, подобно древним христианам, утешаться мыслью о загробном бессмертии. Нет, такое бессмертие было для него слишком мало заманчивым. Ему нужно было то бессмертие, при котором вечно продолжала бы существовать противоположность между его личным «я» и прекрасным «не я» природы. Ему нужно было то бессмертие, при котором он не переставал бы чувствовать вокруг себя жаркий воздух, «клубясь, уходящий в бесконечную даль» и «делающий глубокую голубизну бесконечного неба». Ему нужно было то бессмертие, при котором продолжали бы «жуужать и виться мирнады насекомых, ползать коровки, вездя кругом заливаться птицы». Короче, для него не могло быть ничего утешительного в христианской мысли о бессмертии души: ему нужно было бессмертие тела. И едва ли не величайшей трагедией его жизни являлась та очевидная истина, что такое бессмертие невозможно.

(Плеханов.—«Толстой и природа».)

Значение Толстого для нашего времени

Лучшие страницы в сочинениях того периода деятельности Толстого, который можно назвать религиозным периодом, посвящены изображению и разоблачению многочисленных физических и нравственных зол, порождаемых собственностью, основанной на эксплуатации одного общественного класса другим. И несомненно, что эти лучшие страницы привлекали к нему горячее сочувствие многих и многих читателей. Пролетариат чит в Толстом, едва ли не главным образом, автора этих замечательных страниц. Но никогда не следует забывать, что, когда Толстой писал эти страницы, он переставал быть толстовцем. Так что пролетариат, может быть, сам то-

го не зная, уважает в Толстом не того человека, который учил жизни, а того, который отказывался от своего учения о жизни. И, бесспорно, Толстой заслуживал одобрения и уважения за это. Но всегда следует помнить, что, едва заходила речь о том, как же устранить те многочисленные физические и нравственные страдания, которые он так хорошо описывал и причину которых ему так ясно указали социальсты,—он опять покидал точку зрения «временного» и возвращался в бесплодную пустыню квиетизма. Тогда он опять выдвигал свое настоящее, т. е. им самим придуманное, а не заимствованное у социалистов учение о собственности, как о чем-то воображаемом, как о фикции, существующей лишь в воображении людей, подчинившихся Мамону. Тогда он опять начинал на разные лады твердить о непрочивлении и повторять: «Не сердись. Не буди. Не кланься. Не вуй». И вот почему он, много заимствовавший у социалистов, справедливо считал себя как нельзя более далеким от них.

(Плеханов.—«Смещение представлений».)

Эпоха подготовки революции в одной из стран, пригнетенных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества. Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценными и читаемыми массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов,—он сумел с замечательной силой передать настроения широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования.

(Ленин.—Л. Н. Толстой.)

Своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России. Ибо критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у предшественников современного рабочего движения именно тем, что Толстой стоит на точке зрения патриархального, павшего крестьянина. Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение. Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитровцев» и т. д. Толстой отражает их настроения так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротыкание злу», бессильные проклятия по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние,—вот что слилось в учении Толстого.

(Ленин.—Л. Н. Толстой и современное рабочее движение.)

Толстой за работой

Н. Н. Ге (Госуд. Третьяковская галерея)

Приложение к журн. „Красн. Нива“ Offset, тип. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК.“

Лев Толстой и революция

И. Кубиков

Отношение Льва Толстого к революционной борьбе носило отрицательный характер, но оно при этом было достаточно сложно. В эпоху шестидесятых и семидесятых годов Л. Толстой был еще вполне безоговорочным отрицательным отношением к так называемым «инициалам». Об этом говорит его только теперь изданная пьеса «Зараженное семейство» и те строки в «Анне Карениной» о революционере Кринком, которые потом исчезли из отдельного издания романа. Оставалось до конца противником материалистических учений, Лев Толстой так и не мог объективно относиться к их сторонникам.

В своих записках «Вблизи Толстого» А. Гольдштейн рассказывает, как менее чем за год до своей смерти Л. Толстой читал в «Русском богатстве» письма Чернышевского. Он говорил о великом мыслителе-разночине: «У него очень много хороших, высоких в нравственном отношении мыслей: о войне, о половом вопросе, или мысль о том, что все правдивое—разумно, а разумное—нравственно и т. д. Но очень неприятна эта самоуверенность. Он говорит о Шопенгауэре и Канте, как будто это все дураки, один он, Чернышевский, умен». Л. Толстой забывал при этом, что он сам с такой же самоуверенностью говорил о Дарвине и Марксе, называя в трактате об искусстве теорию Маркса «безнравственной». Здесь кся находила на камени: независимости мысли Л. Толстого противостояла такая же независимость высокоодаренного Чернышевского.

Эта неспособность Л. Толстого быть в данном случае объективным и сказалась при изображении в романе «Воскресение» революционера Поводорова. Писатель подчеркивает, как неприятен был Новозвон Нехлюдову. Желая показать разногласия среди революционеров, обитателей тюрьмы, Л. Толстой влагает в уста неприятного ему Поводорова лишь чуждые мысли, характеризующие презрение Поводорова к народной массе: «Массы всегда обожают только власть,—сказал он своим трещащим голосом.—Правительство властвует,—они обожают его и испавидят нас; завтра мы будем у власти,—они будут обожать нас». Такой же неприемлемой Лев Толстой изображает революционерку-курящую Богдоховскую, несмотря на то, что эта девушка, полная самопожертвования, смотрела на Нехлюдова «огромными добрыми круглыми глазами». И оинь-таки здесь все дело в мировоззрении Богдоховской. Л. Толстой не скупится на отрицательную характеристику, когда говорит, что Нехлюдову «она более всего жалка была той очевидной путаницей, которая была у нее в голове».

Но справедливость требует сказать, что этой отрицательной характеристикой Поводорова и Богдоховской не истеривается отношение Л. Толстого к революционерам,—оно гораздо сложнее. Писатель говорит в этом романе, что революционеры вообще «стояли нравственно выше среднего уровня общества». После беседы с сапожником-мракобесом Тонорковым «Нехлюдов с необыкновенной ясностью приняла мысль о том, что всех этих людей хваляли, заирали и ссылали не потому, что эти люди нарушали справедливость или совершали беззакония, а только потому, что они мешали чиновникам и богатым владеть тем богатством, которое они собирали с народа».

Из письма Л. Толстого к Бирюкову (1906 г.) видно, как действовала на Л. Толстого казнь народовольцев после 1 марта 1881 г. Писатель говорит, что «суд над убийцами и готовящаяся казнь произвели на меня одно из самых сильных

впечатлений моей жизни». Таким образом, двойственное отношение Л. Толстого к революционерам несомненно складывалось под влиянием этого исторического события.

Об этом и говорят очень важные письма Л. Толстого к Страхову, написанные после события 1 марта. Друг Л. Толстого, философ и публицист Страхов был в сущности реакционным писателем, полагавшим для России самобытные, отличные от Европы пути, ведущие, по его мнению, нашу страну к сохранению царской власти. После события 1 марта Страхов в славянофильской газете «Русь» договорился до таких политических пошлостей, что Л. Толстой стало невмоготу. В ответ на одну из статей Страхова, где революционеры изображались какими-то извергами, Л. Толстой написал среди прочих писем одно так и не отправленное адресату письмо, очевидно полагая, что спорить по этому поводу бесполезно. В наше время это письмо с датой «май 1881 г.» извлечено из Толстовского музея и напечатано в журнале «Новый Мир» (1928 г., кн. 2). Возражал Н. Н. Страхов относительно его оценки деяний революционеров, Л. Толстой пишет: «По нашим исследованиям оказывается, что, даже когда они жертвуют собой жизнью для духовной цели, они делают не добро, но действуют по каким-то психологическим законам бессознательно и дурно. Я не могу разделять этого взгляда и считаю его дурным. Человек всегда хорош, и, если он делает дурно, то надо искать источник зла в соблазнах, вовлекших его в зло, а не в его дурных свойствах—гордости и невежестве. И для того, чтобы указать соблазны, вовлекшие революционеров в убийство, нечего далеко ходить. Персеполненные Сибирь, тюрьмы, виселицы, нищета народа, кощунство, жадность и жестокость властей—не отговорки, а настоящий источник соблазна».

Это стремление Л. Толстого, несмотря на принципиальное несогласие с революционерами, не утратить из виду тех благородных стремлений, которые толкают людей на путь борьбы, временами вскрываются в произведениях, написанных на чисто религиозно-нравственные темы. В повести из времен первых христиан «Ходите в свет, пока есть свет», написанной в 1887 г., писатель попутно останавливается на тех людях, которые из желания облегчить участь народа... убивают тирана, думая, что они этим помогут большинству». Л. Толстой говорит о том, что истинные христиане идут к братству другим путем, не тут же прибавляет: «Мы хотя видим заблуждения заговорщиков, но ценим их искренность и самоотречение и сближаемся с ними в том хорошем, что в них есть».

Вот с каким комплексом взглядов подходил Л. Толстой к изображению народовольцев в романе «Воскресение».

Это и сказывается на благожелательном отношении к революционерам двух центральных персонажей романа—Катюши Масловой и Нехлюдова. Катюша «очень легко и без усилий поняла мотивы, руководившие этими людьми, и как человек из народа, вполне сочувствовала им». Что касается Нехлюдова, то и он, читавший к революционерам недоброжелательное чувство, «узнав их ближе и все то, что они часто безвинно перестрадали от правительства, увидел, что они не могли быть иными, как такими, какими они были».

Но для того, чтобы сделать революционеров более близкими себе, Л. Толстой наделяет некоторых из них чертами, взятыми из сфер этических понятий о жизни. Так созданы в романе «Воскресение» образы Марии Павловны и Симона. Они являются

ся в романе революционерами довозно своеобразного типа—с явной примесью толстовского миропонимания.

Самые сильные страницы Л. Толстой дает, когда изображает переживания больного чахоткой революционера Крыльцова. Рассказ Крыльцова о том, как вел из тюрьмы на смертную казнь поляка Лозинского и еврейского мальчишка Розовского,—гениальное воспроизведение одного из акутих эпизодов прошлого. Л. Толстой в художественном образе показывает, с какой психологической закономерностью царская власть превращала мирных культурников типа Крыльцова в революционеров, полных ненависти к жестокой власти. Во всей художественной интерпретации переживаний Крыльцова видно большое сочувствие к нему со стороны писателя. Л. Толстой говорит, что Нехлюдов начинал понимать «много из того, что не понимал прежде».

Как проповедник христианской морали с ее непротвлением злу насилием и сторонник экономически-консервативных, чисто крестьянских устоев жизни, Л. Толстой не мог быть приемлем для революционно-настроенного пролетариата и передового крестьянства. Но, к счастью, сам Л. Толстой противоречил своему учению. Он говорил, что не надо противиться злу злом. Но ведь отвлеченного зла не существует. Когда писатель создавал для романа «Воскресение» сатирическую главу о богослужении, это было злом для духовенства и царской власти, но это было благом для рабоче-крестьянской массы, ибо, обличая поповское православие, Л. Толстой расшатывал один из краеугольных камней старого режима. Недаром, когда синод отлучил Л. Толстого от церкви, это вызвало огромное сочувствие к писателю со стороны передовых слоев пролетариата. С присущей ему силой это настроение передовых рабочих выразил В. Ленин, когда в одной из статей о Л. Толстом писал: «Святейший синод отлучил Л. Толстого от церкви. Тем лучше. Это подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, с жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки».

Благодаря огромной силе художественного слова гениального писателя его критика помещичье-буржуазных основ жизни производила такое огромное впечатление, на которое не могла рассчитывать рядовая обличительная прокламация. Это и делало великого писателя своеобразным борцом против власти и господствовавших классов.

Уже в статье «Так что же нам делать?» написанной в 1886 г., Л. Толстой предостерегает правящие классы: «Рабочая революция с ужасами разрушений и убийств не только грозит нам, но мы в ней живем уже лет 30 и только пока, кое-какими разными хитростями на время отсрочиваем взрыв ее». При чем для Л. Толстого ясен этот размах будущей величайшей в мире революции: «Ненависть и презрение заданного народа растет, а силы физические и нравственные богатых классов слабеют; обман же, которым держится все, изнашивается, и утешать себя в этой смертной опасности богатые классы не могут уже ничем».

Гениальный обличитель, наносивший такие сильные удары монархии, духовенству и правящим классам, сам того не зная, ускорял этот великий социальный переворот, имеющий далеко не учтенные мировые последствия.

День Толстого

Очерк

Н. Ашукин

Он просыпался в семь часов утра.

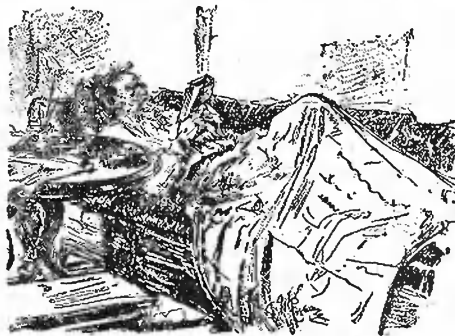
В старости спал он мало и чутко; говорил, что короткий сон придает ему «особенную бодрость, какое-то возбуждение». (Продолжительный сон у него бывал лишь тогда, когда ему сильно нездоровилось.) Ночью он несколько раз просыпался, зажигал свечу, торопясь занести в записную книжку внезапно мелькнувшую мысль, закрепить художественный образ, тему. Его мысль неустанно работала. Художественные образы теснились в его воображении. Он говорил, что «во сне мозговая умственная жизнь не останавливается»; некоторые мысли для своего «Круга чтения» он «увидел» во сне; нередко он видел во сне и художественные сюжеты своих рассказов; один из рассказов он так и назвал: «Что я видел во сне». Толстой вообще очень интересовался психологией словидений. В одном из дневников 1898 г. им записано: «Сновидения—это не что иное, как смотрение не на мир сквозь стекла, а только на стекла и переплетение этих разных рисунков стекол»¹⁾.

Одевался Толстой просто: носил блузу, легком полотняную, зимой—из шерстяной материи темного цвета, подпоясанную ремнем; в холода носил еще шерстяную вязаную фуфайку. По словам А. Ф. Коня, бросалась в глаза «необыкновенная опрятность и чистота его скромного и даже бедного наряда». Одежду носил он всегда старенькую, нередко заплятанную. В личной жизни он был враг всякой роскоши.

В 8 часов утра он выходил из дома на свою обычную утреннюю прогулку. В руках у него был складной стул. Своей легкой, как-бы скользящей походкой он медленно шел по старому яснополянскому саду, наполненному шестом воспоминаний, входил под навес вековой липовой аллеи, поминувшей его предков. Одинокая прогулка Толстого продолжалась около часа. Он любил посидеть в еловой рощице на скамеечке из березы. Утро, усадебная тишина, одиночество,—все располагало к раздумью, к созерцательности... Потом с усадьбы он вы-

ходил в поле, в лес. Со встречными крестьянами, с прохожими всегда вступал в беседу. Зорким, пронзительным взглядом художника он замечал и форму плывущего облака, и легкую тень от него на дороге, и морщины встречного странника; складывал в кладовую своей памяти услышанное меткое слово, бойкую поговорку, житейский рассказ; жадно впитывал в себя все краски, звуки, запахи... С прогулки он часто приносил букетик полевых цветов. Из садовых цветов больше всего любил он душистый горюнок и гелиотроп.

Возвращаясь, около дома на скамье подвязом он уже видел ожидающих его крестьян, приходивших к нему за помощью или за советом о своих деревенских делах, и людей неопределенных профессий, жаждавших поговорить с ним. Его ожидали взгляды, устремленные на него с волнением и смущением, исповеди, повести человеческих жизней и праздное любопытство. Старый виз в Ясной Поляне был прозван «деревом

Толстой за чтением. (Рис. И. Репина)

бедных». Толстой охотно беседовал со всеми, в ком видел внутреннюю потребность говорить с ним. От любопытных отходил равнодушно, а нередко с раздражением.

После беседы подвязом он входил в дом. Оставлял в передней шляпу и стул-трость и поднимался по скрипучей лестнице в зал-столовую—большую светлую комнату с потускневшими фамильными портретами на стенах; здесь проходила совместная ежедневная жизнь обитателей яснополянского дома: здесь ожидали возвращения Толстого с прогулки те, кто по положению своему мог, митовал «дереву бедных», прямо входить в дом. Это неравное отношение к яснополянским посетителям, Толстой, конечно, замечал, и оно не могло не огорчать его, но «непротипление зму» заставляло его смиряться перед регламентом чинной жизни помещичьего дома. Толстой крепко пожимал всем руки, перекидывался несколькими фразами с гостями, с удивительным тактом, приветливой улыбкой ободрял смущенных, впервые его видевших, целовал дочерей и мимоходом, иронически покачивая головой, выслушивал какую-нибудь газетную новость.

В столовой он не задерживался: утренними часами дорожил для работы. Он брал со стола чайничек о ячменным кофе, несколько кусков хлеба и шел к себе в кабинет работать. До обеда он выходил оттуда очень редко.

Он садился в большое, так называемое «рогозос» кресло около круглого стола. На столе уже была разложена свежая почта.

Маленьким серебряным почтальоном, отцовским, он начинал вскрывать конверты. Письма к нему шли со всех концов света: писал кунен из Лиссабона, болгарин-гимназист из Варны, дама из Америки, мещанин из Бельгии, австралиец, отрицающий церковь и государство; писали люди всех состояний и всех профессий на всех языках мира. И порою письма, написанные на норогическом, еврейском, испанском, португальском языках, долгое время лежали не прочитанными, пока кто-либо из яснополянских гостей не переводил их для Толстого, не знавшего этих языков; французским, немецким, английским владел он в совершенстве, а в 1873 году выучился голландскому.

По поводу получаемых писем Толстой однажды сказал о себе в третьем лице: «Мне совестно говорить это, но я радуюсь авторитету Толстого. Благодаря ему, у меня сношения, как радиусы, с самыми далекими странами».

Верьшине в истину его проповеди писали ему о своих сомнениях, искали ответов на вопросы, мучившие совесть, поклонники просили автографа, злоба угрожала ему проклятиями за его отступничество от церкви; иные просили, иные требовали от него денежной помощи.

Разбирая это великое множество писем, он почти безошибочно определял их по внешним признакам: «Если получу письмо на хорошей бумаге, хорошим почерком,—говорил он,—пустое; если малограмотное,—из трех писем два содержательные, живые. А вот немецкие письма самые неинтересные: все просят автограф».

Толстой тотчас же отвечал на все серьезные письма, как только прочитывал их, или же поручал ответить на них младшей дочери или секретарю. Некоторые письма оставлял без ответа, делая на них пометку: «Б. О.». Для поэтов, присылавших Толстому рукописи своих стихов, была придумана отписка, отпечатанная на «папираграфе», которая и рассылалась всем стихотворцам: «Иван Николаевич прочел Ваши стихи и нашим их очень плохими. Вообще, он не советует Вам заниматься этим делом».

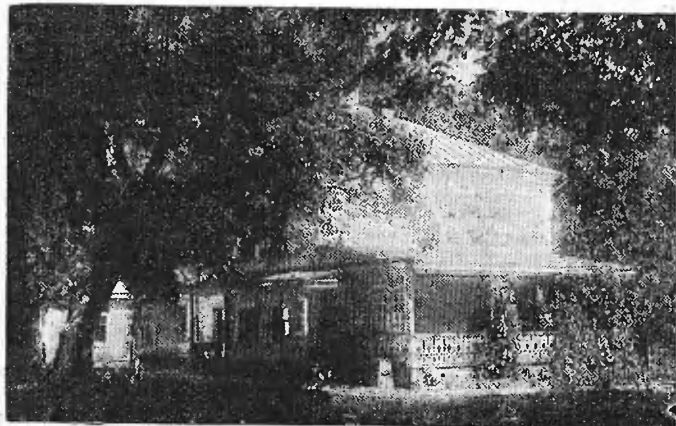
О стихах Толстой как-то заметил: «Я не люблю стихов вообще. Трогают меня, думаю, преимущественно как воспоминания молодых впечатлений, некоторые, и то самые совершенные, стихотворения Пушкина и Тютчева».

Покончив с ответами на письма, Толстой принимался за литературные работы. Он «не ждал вдохновения и не признавал его»,—просто садился за стол и работал. Работоспособность его была колоссальна. Он писал и переписывал и вновь перечеркивал, сокращая написанное, добывая ясности и точности мысли. «От сокращения»,—говорил он,—изложение всегда выигрывает. Нужно сразу схватить читателя и не выпускать его из того подема, на который он поднялся... Надо стараться довести свою мысль до такой степени простоты, точности и ясности, чтобы всякий, кто про-

Толстой за работой (Рис. И. Репина)

¹⁾ В основу этого мозаично составленного очерка положены воспоминания В. Ф. Булгакова, «День Л. Н. Толстого», напечат. в «Толстовском ежегоднике» за 1913 г. «Вытопись» одного дня, данная в этих воспоминаниях, много расширена на основании других записей о Толстом: А. Б. Гольденвейзер, «Воспоминания о Толстом», т. I—II, М. 1922—23 г.; И. И. Макавицкий, «Яснополянские записки», М. 1922; Н. Давыдов, «Из прошлого»; Булгаков; «Толстой в последний год его жизни», М. 1920; С. Ельпятовский, «Литературные воспоминания»; Н. Н. Гусев, «Как работал Толстой», журн. «Научное слово», 1928, № 1; А. Е. Грузинский, «Ясная Поляна» М. 1922; «О Толстом», сборн. восп. под ред. И. А. Сергеевко, М. 1911 и др.

Дом в Ясной Поляне (налево—«Дерево бедных»)

чет, сказал бы: только-то? Да ведь это так просто!—А для этого нужно огромное напряжение и труд».

В часы работы в кабинет к Толстому не входил никто. Малейший шум, доносившийся к нему из других комнат, мешал ему, — в доме соблюдалась тишина. Утренние и дневные часы он считал для работы самыми плодотворными. «Работается хорошо днем после сна, — заметил он однажды, — а ночью, после целого дня, нельзя так ясно мыслить. За работой один работает, а другой критикует, при работе ночью критик спит. Я вполне согласен с Руссо, что лучшие мысли приходят ночью, когда человек просыпается, утром и во время прогулок».

Писал он, сидя на низком детском креслице, так как по близорукости любил сидеть низко, чтобы бумага была ближе к глазам. Но зрение у него все же всю жизнь было хорошее, он никогда не носил очков и при слабом свете свечи мог свободно читать самую мелкую печать.

Писал он тонкими продолговатыми буквами, не отрывая пера от бумаги и не делая нажимов. Его перечеркнутые черновики, со вставками и выносками на полях, были очень неразборчивы. Случалось, что иногда он сам не мог разобрать написанного. Рукописи Толстого переписывали на пишущей машинке или его дочери или секретари. Комнату, где была пишущая машина, Толстой шутя называл «канцелярией».

Оторвавшись от рукописей, он любил для отдыха раскладывать на картах пасьянс. Напряженная работа продолжалась у Толстого от 9 ч. утра до 1—2 дня. К завтраку он выходил оживленным, словоохотливым, довольным работой. Старый слуга Иван Васильевич приносил ему овсянку и простоквашу, — неизменное меню каждого дня.

После завтрака Толстой отрывался или один, или в сопровождении кого-либо из знакомых на прогулку пешком или верхом. Он был большой анаток лошадей, любил их и был мастер ездить верхом. Севши на лошадь он «как бы преображался, делался бодрее, физически крепче». Однажды (ему было уже 65 лет) под ним заупрямилась лошадь. Толстой, — рассказывает Сергеевко, — «выпрямился, глаза у него затормозились, и хлыст, свисая в воздухе, опустился на лошадь. Лошадь пошла. И через минуту ни кто уже не поверил бы, что этот простодушный скромный старик с белой бородой может быть так грозен».

Будяков отметил, что Толстой во время верховых прогулок любил «брать маленькие препятствия: если тропинка загибается он непременно сократит дорогу, свернув и проехав напрямик между частыми деревьями и кустами; если есть пригорок, он проедет через него; ров и мостик через ров, — он, минуя мостик, презирает ров прямо по обрыву». Как только дорога в лесу становилась прямой, Толстой непременно пускал лошадь рысью, и спутник его едва поспевал за ним.

Прогулку он совершал, несмотря ни на какую погоду. Шел дождь, он надевал непромокаемое пальто, но все-таки ехал; была гололеда — он сходил шагом, осторожно, но прогулку не отменял.

Толстой был неутомимый ходок пешком. По выражению Э. Влпатовского, у него был «мускульный голод». Он не мог ходить как все люди, «прогуливать себя», и его обычной нормой (уже в старости) была прогулка пешком в 10—15 верст, после которой он чувствовал себя бодрим.

Прогулки продолжались по часу, по два и больше. Пешком он любил гулять по шоссе, которое в шутку называл Невским проспектом. На шоссе он садился на придорожный камень и вступал в беседу с прохожими, странниками и богомольцами, кото-

рых немало проходило по дороге, соединяющей Москву с Киевом. Он обладал исключительной способностью «войти в интересы другого человека, даже в его манеры, стать с ним на одинаковую ногу и способности в то же время свое человеческое достоинство, не сделав ни малейшей уступки в сохранении своей духовной независимости». Очень любил он беседовать с теми, кто был слегка «навеселе». «Ужасно, — говорит он, — люблю пьяненьких: этакое добродушие и искренность».

Наблюдения на шоссе ином «Невском проспекте» давали Толстому большой запас материалов для художественного творчества.

После прогулки Толстой до обеда отдыхал.

В 6 часов подавался обед. Толстой, убежденный вегетарианец, сидел за общим столом, где подавалось и мясное. Обедал «как бы один и особ». «Сидел он за одним столом, и смешился и не смешился с остальными». За обедом служили два лакеи в белых перчатках. Для Толстого это было «источником постоянных угрызений совести»: лакеи ежедневно напоминали ему о несоответствии его жизни и проповеди. Как-то за обедом, наклонившись к своему соседу, Толстой тихо сказал:

— Я думаю, через 50 лет люди будут говорить: представьте, они могли спокойно сидеть и есть, а взрослые люди прислуживали им, подавали и готовили кушанья.

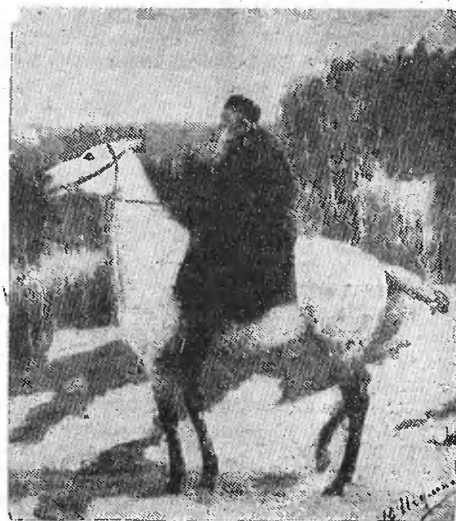
Во время обеда Толстой нередко принимал живое участие в веселье молодежи, любил задавать шуточные загадки, напр., спрашивал:

— Какая разница между печкой и щенком?

Никто не знал. И он отвечал: — Когда в доме есть лишняя печка, ее не топят, а когда есть лишний щенок, — его топят.

Вообще любил шутки и первым смеялся весело и заразительно. Он часто рассказывал о виденном и слышанном на прогулках.

После обеда, если находился партнер, Толстой садился сыграть партию в шахматы.

Толстой верхом. С картины Ю. Игумновой (Толстовский музей в Москве)

ты. Потом уходил к себе в кабинет и часа полтора до вечернего чая опять работал, но чаще всего отдавал это время чтению, которое было очень разнообразно, как был широк и разнообразен круг его интересов. На столе у него рядом с последними номерами иностранных журналов, трактатами по философии и истории религий можно было встретить и томик Монассана или Чехова и сборник народных пословиц; рядом с кни-

гой о душевных болезнях лежал учебник географии. А на книжных полках теснились книги, которые ему требовались для работ: Конфуций, Лаотзе, коран Магомеда, Платон, Монтень, Амиель, — материалы для составленного им «Круга чтения».

Читал Толстой с карандашом в руках, делая в книгах разнообразные пометки, выражая оценку прочитанного условными буквами, отдельными словами и баллами от нуля до пятерки. Например, на экземпляре стихотворений Тютчева имеются пометки: К — красота, Г — глубина, Ч — чувство. Рассказы Л. Андреева размечены Толстым по пятибалльной системе: «Жили-были» — 5, «Ангелочек» — 1, «Бергамот и Гараська» — 2, «Оригинальный человек» — 0 и т. д.

Остальной вечер Толстой проводил в тесном кругу семьи и знакомых. Тут в разговорах затрагивались самые разнообразные темы, — и литература, и события дня, и вновь помучившие письма, и вопросы морали. Говорил Толстой, — вспоминает Сергеевко, — «образно, тем же богатым колоритным языком, каким писал, легко аргументируя и легко разбираясь в самых сложных положениях. Возражать ему было трудно. В его распоряжении находились как бы целый арсенал ярких, смелых, оригинальных и совершенно неожиданных аргументов, с меткими сравнениями и юмористическими вставками, вызывавшими невольный смех. В спорах, затрагивавших его за живое, он волновался и, когда горячился, переходил с русского языка на французский. После горячего философского спора он с увлечением мог показывать, как надо делать из бумаги гусей. «Вот, — говорил он, — в такой пустой штучке живет мысль человека. Может быть, делать этого гуся придумал давным-давно какой-нибудь китайец. А сколько он думал над этим?».

Мысль самого Толстого работала постоянно.

Часто в кругу близких Толстой по вечерам читал вслух или свое, вновь написанное, или чужое (любил читать вслух Чехова). Читал он просто и в то же время замечательно выразительно. Детям он любил рассказывать сочиненные им сказки и задавать придуманные им «сбивчивые» задачи.

Вечерние разговоры и шутки смешались музыкой, иногда даже граммофоном, которого Толстой вообще не любил. Но у него были любимые пластинки. Так, он «не мог, — рассказывает Будяков, — равнодушно слушать гопака на балайке в исполнении Трояновского. «Плясать хочется» — воскликнул он однажды, слушая гопака. При этом, сидя за шахматным столом и не переставая следить за ходом игры, принимался так сильно пристукивать ногами и прихлывать в ладоши, что шум пошел по залу».

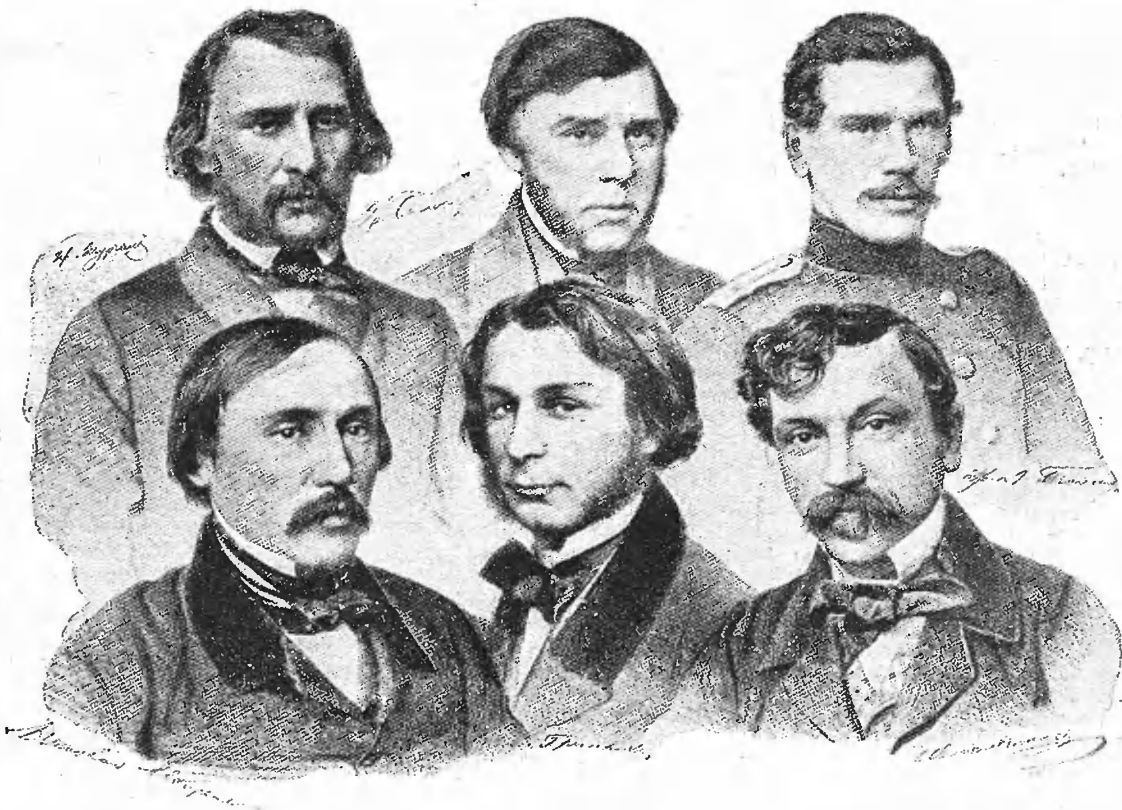
«Едва ли не больше всех искусств захватывала Л. Н. музыка» — записал в своем дневнике пианист Гольдштейн. Он умел слушать музыку и «впитывать ее в себя». — «Я заметил, — вспоминал Верс, — что ощущение, вызываемое в нем музыкой, сопровождалось легкой бедностью на лице и едва заметной гримасой, выражавшей нечто похожее на ужас».

Однажды, долго слушая Шопена, он воскликнул:

— Я должен сказать, что вся эта цивилизация — пусть она исчезнет к чортовой матери, но музыку жалко!

Музыка, по его собственному признанию, побуждала его к художественному творчеству.

После вечернего чая Толстой пожимал всем крепко руки и, «сторбившись и обесилени за день», уходил в спальню. Перед сном он раскрывал тетрадь дневника и сжатými фразами записывал все впечатления минувшего дня.

Толстой среди своих литературных современников. (С литографии 1857 г.) Верхний ряд: И. С. Тургенев, В. А. Солмогуб, И. Н. Толстой; нижний ряд: Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович, И. И. Палас

Из переписки Л. Н. Толстого

Неизданные материалы

Предисловие и примечания М. А. Цявловского

ПИСЬМО Д. В. ГРИГОРОВИЧА *)

В своих «литературных воспоминаниях» Д. В. Григорович говорит, что знакомство его с Л. Н. Толстым началось «еще в Москве у Сушковых, когда он носил военную форму». Если Григорович не путает, то было это во второй половине февраля 1854 г., когда Лев Николаевич был в Москве перед отправлением в Дунайскую армию. Во всяком случае, сближение между ними произошло в зиму 1855 — 1856 г., когда Лев Николаевич приехал из Севастополя в Петербург и вошел в круг писателей, группировавшихся около некрасовского «Современника». Затем выдвинулись они в Москве в январе 1857 г. перед отъездом Толстого за границу.

Публикуемое письмо, судя по начальным строкам его, является первым после этих встреч. Вообще же, кроме этого письма, писем Д. В. Григоровича за эти годы в архиве Л. Толстого не имеется.

Здравствуйте, дорогой друг Лев Николаевич, здравствуйте! Если не получили вы писем от меня в Швейцарии и Франции¹⁾, не обвиняйте в том мою лень; тем менее, — думать даже не смеете, — чтобы было это следствием моего к вам равнодушия. Более чем когда-нибудь (честное слово, это не фраза) люблю я вас и порывался писать вам; но где было достать ваш адрес? Я безвыездно жил в деревне, ни с кем решительно из наших не выдался. Получил раз только сведения через Боткина, который писал из Aix les Bains, что вы в Швейцарии²⁾. До жажды хочется вас видеть, узнать, что и как. Какие мысли, впечатления? Вы не старое потускневшее зеркало, как Тургенев, Боткин и Дружинин. Впечатления должны были отразиться в вас так же ясно, как отражаются вли в ваших швейцарских озерах. Напишите, дорогой друг, где вы находитесь или будете, по крайней мере, в конце декабря, январе и проч. Я еду из деревни в первых

числах декабря, буду несколько дней в Москве и там отправлюсь в Петербург с тем, может быть, чтобы надолго оставить отечество. Неужто мы не увидимся? Если вы останетесь в деревне жить зиму, напишите скорее, я прямехонько пустился бы в Ясную Поляну. Теперь я кончил свою работу. Весь этот год я был как-то внутренне расстроен и ничего не сделал пугного: написаны всего 3 статьи, и все три — дрянь суцая³⁾. Но теперь я, кажется, исправился с последнею повестью «Копка и мышка». Она отослана уже в Петербург и лягнет в декабре⁴⁾. О трудах ваших «Юность» и «Люцерн» переговорю с вами с глазу на глаз; в письме всегда как-то скажешь не то, что бы хотелось сказать: мутно всегда выходит, не то⁵⁾. Надо объяснить вам однако ж, каким образом еду я за границу⁶⁾. Вы знаете, что в лет назад Погодин⁷⁾ купил у меня полное собрание моих сочинений; явился новый господин, который вызвался перекупить их; за ним следом высунулся Солдатенков⁸⁾ и сделал мне очень выгодное предложение: 2.000 сер. одновременно; потом, когда продажа выкупит издание, оставшиеся экземпляры поступают в мою собственность. Печатают 2.400 экз. Печатание уже началось и, говорят, сильно движается⁹⁾. Не думайте, чтобы эти 2.000 руб. были у меня в кармане; я получил их, но в тот же день отдал Погодину 600 руб.; 400 другие пошел на расплату долгов; остается всего 1.000, да и та не полная. Вся надежда моя на наш расчет с «Современником». Я написал всего 14 листов; не знаю, сколько придется на мою долю. Говорят, Некрасов и Панаев зажали опять великолепно; первый играет опять шибко в карты; все это не очень-то для нас ободрительно. Не худо бы вам, дорогой мой, побывать в Петербурге в конце декабря. Вы с нашим глазом, который смотрит из какого-то затасанного угла, вну-

шасте больше решекту на лиц редакции, чем Тургенев и ваш покорный слуга. В нас чувствуется какой-то стальной болт или стержень, тогда как в нас решительно боится какая-то разварная макарона. Вы спросите в случае чего-нибудь: «Попадайте мне счеты и отчеты»; я и Тургенев глубоко смолчим и нос повесим. Тургенев велик, громадно велик, вы это знаете, но не тогда, как требуется энергия. Самые же обстоятельства обзывают нас свидеться. Я не питаю никаких подозрений относительно неосостоятельности Панаева и Некрасова, — сохрани боже, — но все лучше бы, если б при расчете все участники были на лицо, дело было бы тогда яснее¹⁰⁾. Месяца полтора назад был я в Москве по делам издания и проехал в Петербург, где пробыл 3 дня. Нового ничего нет; Дружинина¹¹⁾ нашел я каким-то раскислым, упавшим духом. Не постигаю, что с ним делается. В мой присад получено было письмо от Тургенева; он извещает, что повесть его готова и высылает ее; оказалось, через Фета, что он не сдвинулся даже за работу¹²⁾. Дела незавидны по отделу словесности, по вообще журнал идет недурно, кажется; мне сказано было даже, что на нашу долю приходится 800 подписчиков. Любопытно, чем все это разыграется. Когда увидите графиню Марью Николаевну, передайте ей мой низкой-низкой поклон¹³⁾. Брата вашего Сергея Николаевича обнимите и скажите: «так велел Григорович», я очень полюбил его и всегда с великим удовольствием вспоминаю дни, проведенные у Шевалье¹⁴⁾. Не может ли это возобновиться? Адресуйте ко мне таким образом: Дмитр. Вас. Рязанской губ., город Зарайск, сельцо Дулбино. Я живу в Каширском уезде, но почта моя в Зарайске. Нельзя ли, дорогой мой, написать раньше декабря? В первых числах я покидаю моих пенатов и коллекцию вставлов

*) Из материалов Кооперативного товарищества по изучению и распространению произведений Л. Толстого.

с Рафаэли, единственный предмет, с которым жаль расстаться. Прощайте, Лев Николаевич, пишу на авось, не знаю, где вы. В случае, если письмо ваше не дойдет ко мне, оставьте ваш адрес или записку на мое имя у Шевалье, куда я зайду, как только приеду в Москву. Целую вас и обнимаю. Искренне любящий вас Григорович.

Ноября 8-го, с. Дубово. 1857.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Л. Толстой выехал из Москвы в Париж в маленьком поезде через Варшаву 29 января 1857 г. 27 марта он выехал из Парижа в Швейцарию, откуда 12/24 июня приехал в Ваден; 27 июля вернулся в Петербург, а 8 августа приехал в Ясную Поляну.
2. В. П. Боткин числа 14—15 апреля 1857 г. с А. В. Дружининым выехали из Москвы за границу. В Вены. С ними предполагал поехать и Григорович, но это ему не удалось осуществить. 12/24 июня Боткин с Дружининым были в Толстой в Кларане, откуда Боткин поехал в Эке (Aux les Bains в Савойе).
3. «Очерки современных нравов. Юмористический рассказ», напечатанный в № 3; «В ожидании паром», рассказ, напечатанный в № 8, и «Скупные люди. Физиологический очерк», напечатанный в № 11 «Современника» за 1857 г.
4. Повесть «Конка и мышка» напечатана в № 12 «Современника» 1857 г.
5. «Юность» была напечатана в № 1, а «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн» — в № 9 «Современника» за 1857 г.
6. За границу, как предполагал, Григорович не поехал, а в августе 1858 г. отправился, по поручению морского министерства, в Средиземное море, на корабле «Ретвизан».
7. Мих. Пейр. Погодин — известный историк.
8. Солдатенков Козьма Терентьевич — московский меценат и издатель.
9. Речь идет об издании «Повести и рассказы» Д. В. Григоровича. Изд. Солдатенкова и Шенкина. В шести томах. М. 1859.
10. По состоявшемуся в 1856 г. соглашению с издателями «Современника» И. И. Панаевым и Н. А. Некрасовым, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, Д. В. Григорович и Л. Н. Толстой обещивались с 1857 г. печатать свои произведения исключительно в «Современнике», за что, помимо гонорара, участвовали в прибыли журнала. Соглашение это через год было расторгнуто.
11. Известный критик и переводчик Ал-др Вас. Дружинин.
12. Письмо от Тургенева — это письмо от 16/28 сентября из Курганнели к петербургским друзьям. В письме этом, извещая, что он на зиму в Петербург не придет, а посетит с В. П. Боткиным в Италию, Тургенев, между прочим, писал Некрасову: «Если, как я надеюсь, я буду работать в Риме, то это для «Современника» будет полезнее моего присутствия — я отсюда буду высылать тебе все, что сделано, начиная с повести (заглавие ей «Ася»), которую ты напечатал с нового года, за это ручаюсь тебе». (Первое собрание писем И. С. Тургенева, СПб. 1884, стр. 32). Об этом письме Григорович 27 сентября 1857 г. писал из Москвы В. П. Боткину: «... получено письмо от Тургенева, в котором пишет он, что готов у него повесть на 11 книжку: все описано ему образовались, но Фет, у которого я вчера обедал, уверяет, что Тургенев не начинал даже никакой повести; теперь все в этом уверились и уже не рассчитывают». (Письмо не опубликовано.)
- Фет в августе встречался с Тургеневым в Париже, куда приехал к пенсете своей М. П. Боткиной, с которой и обменялся в Париже 16/28 августа.

13. Мария Николаевна Толстая — сестра Льва Николаевича.

14. Шевалье — гостиница в Москве, помещавшаяся в Газетном переулке (ныне улица Художественного театра), в доме против Художественного театра. Здесь Л. Толстой останавливался в свои приезды в Москву в 1856 и 1857 гг. Гостиница эта описана им в «Казаках».

II

ПИСЬМО И. А. ГОНЧАРОВА *)

С И. А. Гончаровым Толстой познакомился, как и с Григоровичем, в свой приезд в Петербург из Севастополя в ноябре 1855 г. А. В. Пикетко в дневнике под 24 ноября записал о своем посещении Тургенева, у которого застал Майкова, Дружинина, Писемского, Гончарова и «приехавшего из Севастополя Толстого». В это и другие пребывания Толстого в Петербурге в 1850-х и 1860-х годах он встречался с Гончаровым, но дружбы между ними не возникло. Не было между ними и более или менее постоянной переписки. Незнакомы для, вероятно, и не было ни одного письма Толстого к автору «Обломова», из писем же Гончарова, кроме здесь печатаемого, известно еще только одно, недавно опубликованное Н. П. Апостоловым (в 3-ем сборнике Моск. Толст. Музея «Толстой и о Толстом». М. 1927), сопровадившим текст письма очерком истории знакомства Льва Николаевича с Гончаровым и характеристикой их взаимоотношений.

18 мая 1859 г.

Давно я собирался, граф Лев Николаевич, сказать вам душевное спасибо за ласковое слово об «Обломове»¹⁾, адресованное ко мне рикшетом через письмо Александра Васильевича²⁾. Но поверите ли, сдвиг выискал свободные полчаса, и я только, написав эти строки, чтобы вместе с проститься перед отъездом за границу. Смогу вашему о моем романе я тем более придам цену, что знаю, как вы строги, иногда даже капризно-выскальзывающие в деле литературного вкуса и суда. Ваше воззрение на искусство имеет в себе что-то новое, оригинальное, иногда даже пугающее своею смелостью; если не во всем можно согласиться с вами, то нельзя не признать самостоятельной силы. Словом, угодить на вас не легко, и тем мне приятнее было приобщиться в вас доброжелателя новому моему труду. Еще бы приятнее мне было, если б вы, не рикшетом, а прямо сказали и о моих промахах, о том, что подействовало невыгодно. Особенно полезно бы было мне это теперь, когда я желаю бы попробовать еще раз перо свое над одной давно задуманной штукой³⁾. И если время, расположение духа и разные обстоятельства позволят, я и попробую. Я желаю бы указания не на случайные какие-нибудь промахи, ошибки, которые уже случились и, следовательно, пенсирываемы, а указания

*) Из материалов Кооперативного товарищества по изучению и распространению произведений Л. Толстого.

каких-нибудь постоянных дурных свойств, сторон, замашек, аллюр и т. п. моего авторства. чтобы (если буду писать) остерегаться от них. Ибо, как ни опытен автор (а я признаю за собой это одно качество, т. е. некоторую опытность), а все же ему одному не оглядеть и не осудить кругом и с полнотой самого себя. Но, может быть, такое домогательство с моей стороны превышает меру вашего доброго ко мне расположения, и потому я позволяю себе только выразить это желание, а домогаться не решаюсь.

Еду я 22 мая, т. е. через неделю с небольшим, и сам вижу, как с каждым днем розовая перспектива поездки все бледнеет⁴⁾. Война⁵⁾, затруднение с перевозом денег, неизвестность, что будет, — все это отравляет путешествие, но еду, потому что давно задумал ехать, а я, между прочим, бываю иногда упорен, чуть ли не как Тарас Скотинин: что задумаю, то, крахля и охая, и несусь, как тяжелый крест, хотя бывает иногда нужно только шевелить пальцем, чтобы сбросить его с себя. При том оставаться здесь еще летом — наказание, которого никому не желаю испытать. Если это письмо застанет у вас Алекс. Васильевич, поклонитесь ему. Если бы вы вздумали сказать мне слово в ответ, то я только до пятницы (22 мая) проживу здесь. Дня через три надеюсь, несмотря на все хлопоты, прочесть начало вашего романа⁶⁾, о котором мне уже говорили с нескольких сторон. Но жаль, что не узнаю долго продолжения.

Прощайте, Лев Николаевич, желаю доброго здоровья и скорого, но возможности, свидания с вами здесь. Искренно преданный

И. Гончаров.

Живу я на Моховой улице, в доме Устинова.

ПРИМЕЧАНИЯ

К сожалению, в печати неизвестно письмо Дружинина к Гончарову с отзывом Льва Николаевича об «Обломове», послужившее поводом к этому письму Гончарова. Оно чрезвычайно характерно для Гончарова, как известно, с чрезвычайной остротой воспринимавшего все, что касалось его писательства. Отзыв Толстого, надо думать, не слишком пространен, самим Гончаровым определяемый как «ласковое слово», уже вызывает в нем явную возмущенность, которая так красноречиво выражена в условно-почтительных фразах письма.

1. «Обломов» напечатан в первых четырех книжках «Отечественных Записок» за 1859 г.
2. Дружинин, гостиничный в Ясной Поляне.
3. Гончаров, конечно, имеет в виду «Обрыв».
4. Гончаров соображался в Германию, куда и поехал.
5. В апреле 1859 г. началась война Франции и Пруссии с Австрией.
6. «Семное счастье» напечатанное в двух апрельских книжках «Русского Вестника» за 1859 г.

Корректуря рассказа «Хозяин и Работник» с поправками Толстого.

— Микита! крикнул он.
Микита долго не откликался. Василий Андреевич встал и пошел великая скрипящий задок, стал судить его.
— Микита, аль замерз? — Микита пробурчал что-то. — А я хочу верхомъ ъхать.
— Напрасно, Василий Андреевич, проговорил Микита, не измняя своего положения. — Ах, съ усилиемъ выговорил Микита.
Слушай васъ, дураковъ. Что-жъ, пропадать такъ, ни за что?
Василий Андреевич подошел к лошади и сталъ отхлываться ей.
Отвязавъ лошадь, Лякъ перекинулъ поводья на шею и хотѣлъ вскочить на нее, но сорвался. Тогда онъ всталъ на сани и хотѣлъ съ санией състь. Но сани показнулись подъ его тяжестью и онъ опять оборвался. Наконецъ въ третій разъ онъ опять подвинулъ лошадь къ санямъ, сталъ на край ихъ и сдѣлавъ усилие вскочилъ такъ, что легъ брюхомъ поперекъ спины лошади. Полежавъ такъ, онъ посунулся впередъ разъ два и наконецъ перекинулъ ногу черезъ спину лошади. Вправившись, онъ потянулъ за одинъ поводъ. Великая лошадь встала отъ санией и

1-й разъ съ усилиемъ и сдѣлавъ такъ, что легъ брюхомъ поперекъ спины лошади. Полежавъ такъ, онъ посунулся впередъ разъ два и наконецъ перекинулъ ногу черезъ спину лошади. Вправившись, онъ потянулъ за одинъ поводъ. Великая лошадь встала отъ санией и

1-й разъ съ усилиемъ и сдѣлавъ такъ, что легъ брюхомъ поперекъ спины лошади. Полежавъ такъ, онъ посунулся впередъ разъ два и наконецъ перекинулъ ногу черезъ спину лошади. Вправившись, онъ потянулъ за одинъ поводъ. Великая лошадь встала отъ санией и

БЫВШИЕ СЛУГИ Л. ТОЛСТОГО: С. Н. Румищев — повар, А. П. Елисеев — кучер и М. Д. Зорин — егерь

Три свидетеля

Очерк Александра Дроздова

В Ясной Поляне я люблю говорить с крестьянами: многие из них служили у Толстого в усадьбе, и воспоминания их неразлучны с жизнью автора величайших в мировой литературе страниц.

Здесь я привожу рассказы троих крестьян. Они были косвенными участниками яснополянской трагедии, разразившейся в октябре 1910 года. Сейчас крестьяне эти, служившие у Толстого, снова вернулись к земле. При жизни Льва Николаевича Адриан Павлович Елисеев был кучером, Семен Николаевич Румищев — поваром, а Михаил Деметьевич Зорин состоял в охотниках, ведал исариею и принимал непосредственное участие в набегах Толстого на зайцев и лисид.

1. Адриан Павлович Елисеев

Русский выездной кучер, особенно «барский» кучер, имел сановитую осанку, печать каменной величавости на лице и плавные, слегка замедленные движения. Адриан Павлович, кучер Льва Николаевича, доныне сохранял все эти черты. Правда — по словам Адриана Павловича — толстовские кучера гордой славой не пользовались: одеты всегда были бедно, не по кучерскому капоу тех лет, и упряжь на лошадях была захудалая. Но все-таки Адриан Павлович был графским кучером.

Сейчас это красивый, полный сил старик, поразительно напоминающий Тургенева последней полосой жизни: аккуратная седая борода, высокий лоб, пристальные глаза, тургеневские нежного сладкие губы. Он словоохотлив, но сдерживает себя, и создается впечатление, что Адриан Павлович знает цену своему слову. Судьба судила ему снарядить Льва Николаевича в его по-

следний путь. В мятежную ночь ухода Толстой вместе с доктором Маковицким почью, в дождь, в ветер разбудил его и, пронзая темноту светом карманного электрического фонарика, велел запрягать.

Эта ночь осталась в воспоминании Адриана Павловича почью злой осенней непогоды и душевной тревоги, которую он осознал много позже. Сам он в таких выражениях рассказывает о растерянном бегстве Толстого из дома:

— Я запряг. Подал. Такая была темь, что, когда надевал хомут, своих рук не видел. Сиротонку рассудить не мог: едет, мол, граф к поезду, мое дело исполнять приказ. А потом гляжу, сели они вместе с доктором, и Лёв Николаич мне ни слова. Все с доктором, и обязательно по-французски, да по-латыни. А уж этакая темь, едешь, как в преисподнюю валяешься. Мы взяли здесь верхового, и он ехал впереди с факелами. Так с факельщиком проехали деревню полем, а у кладбища Лёв Николаич велел факельщика отпустить.

И безоговорочно он с доктором по-латыни, да по-французски, а я здесь прозрел, что его сиротство не прост, и перепугался. Видать сразу, что едет Лёв Николаич налегке, взволнованный, и то говорит, то умолкает. Перепугался я тогда до последней жилки.

Приехали на станцию Щёкино. Лёв Николаич вылез из повозки, поотряхнулся, и такое непередаваемое у него лицо, а собой суров.

— Ты, — говорит, — скажи Александре Львовне, Адриан, шапку я там в кустах сбросил.

Пожалея, как видно, шапку. Я с перепугу ему:

— А мне, ваше сиятельство, не придется за это самое ответа перед Александрой Львовной держать?

Он говорит:

— Не придется. Не бойся.

А сам стоит, и, вижу, прошибает его дрожь, даже прозяб дорогой. Тогда доктор Маковицкий его спрашивает:

— Как же, Лёв Николаич, может, скажете что Адриану на прощанье?

Лёв Николаич махнул рукой:

— Ничего не скажу.

И пошел на станцию не оглядываясь.

С меня, действительно, никем взыскано не было, ни Александрой Львовной, ни Софьей Андреевной, а уж на что в гневе была графиня. Только один студент взыскал. Студент, этот взыскал. Это когда хоронили Льва Николаевича. В Ясной Поляне тогда народу было — на счетах не сосчитать. Помню, как несли графа по припекту, один кино на ворота влез и там крутил, а другой влез на дом и оттуда в лоб брал. Да как поднесли гроб к дому, кино и не видать, он все выше лезет, на крышу, а ему все не видать. Очень тогда огорчился тот кино. Вот тогда, в то самое время, подходит ко мне студент лицом молодой и румяный, характером паскокистый, и говорит:

— Ты знаешь, кучер, что ты такое наделал, какое такое преступление совершил, что графа почью, в стужу, говорит, повез? Ты знаешь, какой это человек через тебя помер? Великое солнце мира закатилось навски!

Так он мне тогда, из души, рассказал все в полной мере. А годков ему, приблизительно, не больше осмнадцати. На губах усы, как птичий пух. Слезы у него по ще-

кам текли. Я студента того вот, как живого, посейчас перед собой вижу.

2. Семен Николаевич Румянцев

Семен Николаевич Румянцев служил у Толстого поваром. Тайпа плиты и сковородок перешла к нему от его отца, крепостного господ Волконских, повара, искусство которого ценили все окрестные помещики-хлебосолы. Свою службу у Толстых Семен Николаевич вспоминает нежно, с добрым чувством. На кухне он был хозяином помывластным, вкусы своих хозяев знал наизусть и вскоре сделался незаменимым человеком. Вместе с Толстым он ездил в Крым и позже оставался в усадьбе вплоть до развала семьи.

Лев Николаевич, часто болея желудком, ходил к нему на кухню и, сдвигая брови, говорил:

— У меня, Семен, сегодня желудок баблует. Сделай-ка ты мне...

По утрам Семен Николаевич составлял два меню: вегетарианское—для Льва Николаевича и мясное—для прочих членов семьи и для гостей. Эти два меню шли на утверждение Софьи Андреевны.

Когда-то, во времена Толстых, Семен Николаевич был человеком несобойным, теперь, как он сам говорит, и четверти бывшего не осталось. Теперь Семен Николаевич среднего роста, все еще крепкий, на совете спитый круглолицый крестьянин. Нос его как бы расщеплен надвое. Черная борода обгibt его широкий подбородок. Он ходит неторопливо и говорит расстановисто; он гордится тем, что близко знал Толстого, и воспоминания его не отравлены ни малейшей досадой, досадой, которую я помечал у большинства крестьян Ясной Поляны.

Очень интересен его рассказ о Ясной на следующий день после ухода Льва Николаевича. Здесь я привожу его в девственном виде.

— Утром я, как всегда, на кухне,— мое дело таково, что требует от человека всесторонней аккуратности. Однако спускается на кухню Александра Львовна, и я вижу, что они взволнованы или, больше того, не спали, быть может, поч. Я у плиты готовлю обычный завтрак.

Александра Львовна подошла и говорит:

— Семен,—говорит,—ты знаешь, Лёв Николаич ушел?

Я не понял и отвечаю:

— Цай бог счастливо. В Москву уехали?

— Нет, Семен, он совсем ушел. Он не вернется больше.

— Со-всем?

Взглянул я на нее и понял всю правду. Понял я, что покинул дом великий писатель земли русской Лёв Николаич Толстой. Александра Львовна стоит передо мной и так чрезвычайно взволнована, и так всем своим лицом чрезвычайно расстроена и бледна. Я как был у плиты, как держал в руке кофейник, так, поверите ли, вдруг затемнело в глазах, и уже не вижу, куда поставить мне кофейник. Да. А потом по ногам холод и по всей спине озноб.

— Ну, думаю...

Потом Александра Львовна говорит, что оставил его сиятельство письмо для Софьи Андреевны, а передать его страх берет.

Однако, как всегда, я приготовил завтрак. Я у них в доме был как свой человек, доступный. Вот я поднялся наверх, в столовую, и смотрю, как тут быть. Софья Андреевна пришла ко столу пить кофе, ничего еще не слышала и не знает, ко столу села спокойно, не чувствует, какое ей готовится горькое смущение. Здесь подошла к ней Александра Львовна и протянула письмо.

Она подвинулась сначала, но не очень. Стала распечатывать. И тут из ее глаз слезы хлынули. Конечно, в нашей крестьянской жизни всякого горя хлебнешь ложкой, как похлебку, и разного горя видишь каждый день океаны моря, а здесь я очень перенюгался за ее сиятельство Софью Андреевну. Она подняла глаза, будто ничего не видит, и в глазах ее дикое.

Говорить ли?

Да уж скажу, это дело прошлое. В тот день был дождик и ветер, так холодно, что, того гляди, ляжет снег. Кинулась Софья Андреевна наружу, в чем была. Бежит по саду, мимо парников, под кручу. За ней я, Александра Львовна, Булгаков Валентин Федорович, еще кто-то, сейчас не помню. Дождик, ветер, холод. Да. Графиня свернула и прямо — к пруду. И гляжу: упала она грудью на мостки, как скошенная. Лежит, и треплет ветер ее платье. Потом покатила по мосткам, к самому краю и, с мостков, — в воду.

Я как первый бег, со всего с бегу за ней в пруд. Вода в октябре холодная, жмет, и такое тело тяжелое у графини, что, батюшки мои, думаю, не вытащу. И сам ведь ясно, с быстрого бегу уныхался. Да. Здесь подоспела Александра Львовна, спасибо ей, и вдобав мы с ней графиню едва-едва из воды вытащили.

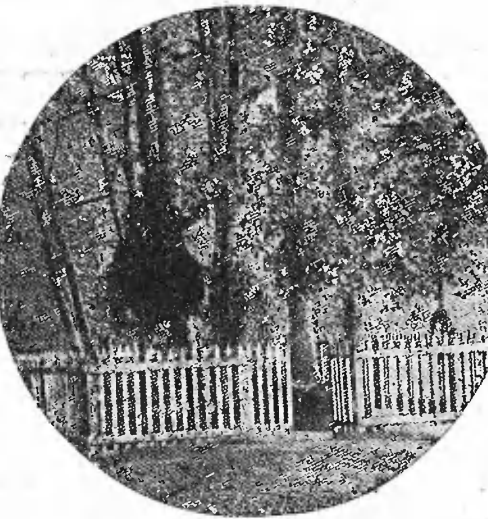
Отнесли мы графиню в дом. И во всем доме такая тишина, как в бору. По комнатам ходят люди, и шагов их вовсе не слышать. Только проходит время, Софья Андреевна отдышалась и опять прямой дорогой — в сад. Не может, как видно, выбросить и умять этой мысли. Однако уследил лакей Ванюша, сейчас же за ней следом и схватил ее за руку.

Сам говорит:

— Ваше сиятельство...

Она как рванется от него. От гнева вся побелела.

— Как ты смеешь, — кричит, — меня за

Могила Толстого

руки держать! Забыл, кто ты есть и кто я есть пад тобой!

Графиню мы сообщи все же устерегли. Тяжелые, тяжелые дни тогда жились в Ясной Поляне, теперь вот уж сколько лет прошло, восемнадцать или более, и в усадьбе теперь новый порядок, и в Рассее, и Лёв Николаич под холмом лежит, и я на крестьянство сызнова сел, а вот как вспомнишь про это, вот как перед вами, чтоб за примером недалеко ходить, и весь тут израсстроился до последнего дня.

Конечно, графиню теперь, после гроба,

легко осудить, и мало таких людей, у которых в характере заключается совершенность. Ежели графиня перед Лёвом Николаичем и была виноватая, так какая жена своему мужу не виноватая? Виноватость ее ей горькой бедой вышла. Когда поехала в Астасово, где Лёв Николаич помирал, так к его одру лопуцена не была. Она на дверь, сказывают, навалилась всем телом, а отговора, изнутри, другие навалились, не пускают. Так и не узрела его. Так, рассказывают видевшие, с каким-то архиереем за-зри до самой кончины у запертой двери и просидела, архиерей тоже допущен не был. Архиерей что — он для людей, а Софья Андреевна для своего женского сердца. Вы как знаете думайте, а я Софью Андреевну бессознательно сочувствую.

3. Михаил Деметьевич Зорин

Ему сейчас семьдесят второй год, веки глаз его красны и полны слез, но он трудолюбиво ходит по земле, и земля легко его носит. Хорошее, открытое, заросшее седой бородою, равно ко всем любовное лицо, узловатые руки. Сейчас он служит ночным сторожем в яснополянской школе-девятлетке, и десятник, который строил школу и гордится ею, говорит о нем, как о родном отце:

— Михайла Деметьевич? Да он молодого работе научит! Да он... да, эх!

При Толстом Михаил Деметьевич состоял в охотниках, на нем лежала псарня, и он видел весь размах широких помещичьих толстовских охот. О собаках Льва Николаевича, которых помнит по именам, он до сих пор говорит со слезою, как о детях своих.

Когда тело Льва Николаевича на плечах своих принесли в Ясную студенты, Михаил Деметьевич рыл могилу. Он рыл могилу в том самом месте, где зарыта «зеленая палочка», среди леса, на небольшой полянке, вплотную подошедшей к лесному срыву. Деревья стояли тогда без убора. Лес был голым и сквозным. Тлебно и терпко пахли нагие листья, и мертво лежала на земле рыжая пыль хвой.

— Рыл я могилу,—рассказывает Михаил Деметьевич,—было чужало, земля в октябре, сыпок, промерзшая. Венков на могилу нанесли видимо-невидимо: как покрыли могилу венками, так выросла целная гора повышей моего роста. Были венки и так себе, были и серебряные, с лентами, с надписями, и, чтоб не растащили тех венков, так меня по ночам приставили сторожить.

Почью стоишь, и жутко. Я хоть в лесу рос, а здесь покойник лежит без креста, мыслей по такому случаю, что метом мух в избе. И холодно. Дрожня дрожня. Студенты здесь, спасибо им, спроведают приходили, иной и вина из-под шинельки поднесет.

Так вот со мной случились какие первые. В октябре месяце, сам знаешь, слабый рассвет, хилый, без солнца, и поздно начинается светать. Так вот стою я на рассвете один возле могилы, и как вскинется мне в память. Ах ты, думаю, мать честна! Сел я, сыпок, у ихней могилки, да и в голос, по-бабы:

— Ваше, говорю, сиятельство, Лёв Николаич, спасибо тебе, что мне, как и погорел, четвертной дал. Только зачем, говорю, ваше сиятельство, Илье Львовичу всех собак отдавал? Ведь загубил он их, за копейку спустил, а какие собаки были, цены тем собакам, Лёв Николаич, пей!

Такие со мной страшные случились первые. Ну, с зарей поуспокоился, в чувство пришел. Потому, что с зарей к человеку, сынок, приходит деспич разум.

Эпизоды из жизни Л. Н. Толстого

Из воспоминаний Н. Н. Гусева,
бывш. секретаря Л. Н. Толстого

Друг молодости Л. Н. Толстого, тонко понимавшая многие его душевные движения, но несколько не сочувствовавшая его мирозерцанию последних лет, его двоюродная тетка Александра Андреевна Толстая, вспоминала о нем: «Достаточно было быть оборванцем или отщепенцем, чтобы возбудить интерес в Льве Николаевиче; зато эпидемия, аксельбанты, генеральский чин и всякий выдающийся пост внушали ему непреодолимое отвращение».

Мно лично пришлось быть свидетелем этого «непреодолимого отвращения» Толстого к «эпидемиям и всякому выдающемуся посту».

За время моего двухлетнего пребывания в Ясной Поляне я наблюдал встречи его с тремя военными.

Первый был «внук дяди Ерошки», как он себя отрекомендовал, — старого казака Ерошки, изображенного в «Казаках», в действительности внук его брата, — казачий полковник Д. М. Сехин, приславший 20 февраля 1909 года. Он привез Льву Николаевичу привет от казаков той станции Старогладковской, где он прожил два с половиною года; и это живое напоминание о незабываемых днях молодости было ему очень приятно. Лев Николаевич с интересом расспрашивал Сехина о тех местах и тамошнем народе, интересовался ли местность и люди за пятьдесят лет и т. д., и по его просьбе подарил станичникам свой портрет с подписью. Все это было хорошо, но «внук дяди Ерошки» совершенно напрасно не удовлетворялся одним посещением, а через полгода, в сентябре 1908 г., явился вторично. Надобности ему во Льве Николаевиче никакой не было, и разговор был искусственный, тяжелый. Между тем, «чин» его (он был полковником, кажется, в Тамбове) не мог не вызывать в Толстом отвращения. Он пробовал высказывать Сехину то, что думает о его службе, но тот ничего не понимал. И когда я в этот же день зашел ко Льву Николаевичу в кабинет перед тем, как ему отправиться на прогулку, он, страдальчески улыбаясь (как это ему было свойственно), сказал мне:

— Довольно тяжело.

Второй военный присажал при мне 6 мая 1909 г. Это был офицер Семеновского полка Павлов. Он говорил Льву Николаевичу, что служба ему тяжела, что он несколько раз хотел ее оставить, но либералы Ходский, Петрункевич, Куприн и другие угрожали ему не уходить «в такое тяжелое время». Говорил, что он старается сделать, что можно, для предотвращения излишних жестокостей, и что в революцию 1905 г. ему удалось спасти от расстрела одиннадцать человек.

Лев Николаевич, повидимому, не заметил, чтобы он особенно тяготился своей службой, и сказал ему:

— Вы спасли одиннадцать человек, а если бы вы вышли перед строем солдат и сорвали с себя погоны, вы спасли бы, может быть, тысячу человек. Если вы оправдываете свою службу, это хуже всего. А надо помнить, что все мы грешны, и я грешен, и вас удерживает на службе только малодушие. Помогай вам бог все это описать, что вы пережили...

Наконец, третья встреча с военным произошла у Толстого в том же мае 1909 г. и приняла совершенно неожиданный оборот.

В марте 1909 г., по распоряжению департамента полиции, выслан был из Тульской губернии Владимир Григорьевич Чертков.

Толстой на сельской ярмарке наблюдает за распоряжениями урядника.

Он поселился в Московской губернии и тяжело переносил разлуку со Львом Николаевичем, ради близости к которому он и поселился было в усадьбе Телятинки, в трех верстах от Ясной Поляны. Мать его Елизавета Ивановна, имевшая связи в правительственных сферах, добилась пересмотра его дела. И вот 5 мая 1909 г. директор департамента полиции «секретно» сообщает тульскому губернатору, что министром внутренних дел командирован в Тульскую губернию приписанный к министерству полковник Лубенцов «для расследования имеющихся в министерстве внутренних дел указаний на ведение отставным гвардии штабс-ротмистром Чертковым противоправительственной агитации и пропаганды среди крестьянского населения».

Лубенцов приехал на станцию Щекдино 22 мая и направился в село Ясенки и к старосте, откуда проехал в ясенковское волостное правление, где расспрашивал о Черткове земского начальника, старшину, некоторых крестьян и учителя. «Все эти лица, — доносил потом губернатору крапивинский исправник, — давали резкие показания на Черткова, доказывая, что у него бывали собрания, на которых распространялось неповиновение властям, неплатеж податей, нестыбывание воинской повинности, и что в народе, в особенности у крестьян селца Ясенки, стало заметно неповиновение и неисправность по платежам повинностей со времени отбытия в сельцо Телятинки на жительство Черткова. Молодежь стала отходить от церкви и прочее».

На следующий день, 23 мая, Лубенцов направился в дом Черткова в Телятинках, где жила тогда жена Черткова, Анна Константиновна, ее сестра Ольга Константиновна (первая жена Андрея Львовича Толстого) и другие лица, близкие семейству Чертковых. Однако, как доносил исправник губернатору, «жена Черткова, как предубежденная вообще против всякого начальства, под видом болезни с полковником не виделась».

В этот же день, 23 мая, присажал к Чертковым и Лев Николаевич со специальной целью — поговорить с чиновником, ведущим дело его друга. Он приехал верхом около 4 часов дня. Некоторые домашние, узнавши о его приезде, вышли его встретить; вышел и полковник. Толстой сел с

намерением поговорить «по душам» с этим человеком. Дело испортил один присажий, гостивший тогда у Чертковых: он слишком любезно отрекомендовал Толстому полковника. Лев Николаевич сурово взглянул на него и, не подавши руки, быстрым шагом прошел в дом. Затем через некоторое время вернулся, извинился и начал разговор, стараясь загладить свой поступок. Но полковник чувствовал себя оскорбленным, и разговор не клеился.

Вечером этого дня я зашел по делу ко Льву Николаевичу в кабинет. Он раскладывал пасьянс и был в очень смущенном состоянии. Сказал мне:

— Ведь вот, ехал туда и говорил себе: тебе придется иметь дело с этим человеком, смотри же, постарайся обойтись с ним с любовью. И вдруг...

В дневнике же Льва Николаевича на другой день появилась запись: «Нехорошо поступил с расследователем чертковского дела: не подав руки, а потом не сумев сказать, что пужно».

Последние слова объясняются тем разговором, который происходил через два дня, 25 мая, за обедом.

— Я ему сказал, — говорил Лев Николаевич, — что по моему возрасту — я с его отцом был приятелем — мне Столыпин представляется мальчиком, и этот мальчик распорядится жизнью почтенного человека, моего друга... Мне пужно было бы сказать ему одно: зачем он служит в этой отвратительной должности?

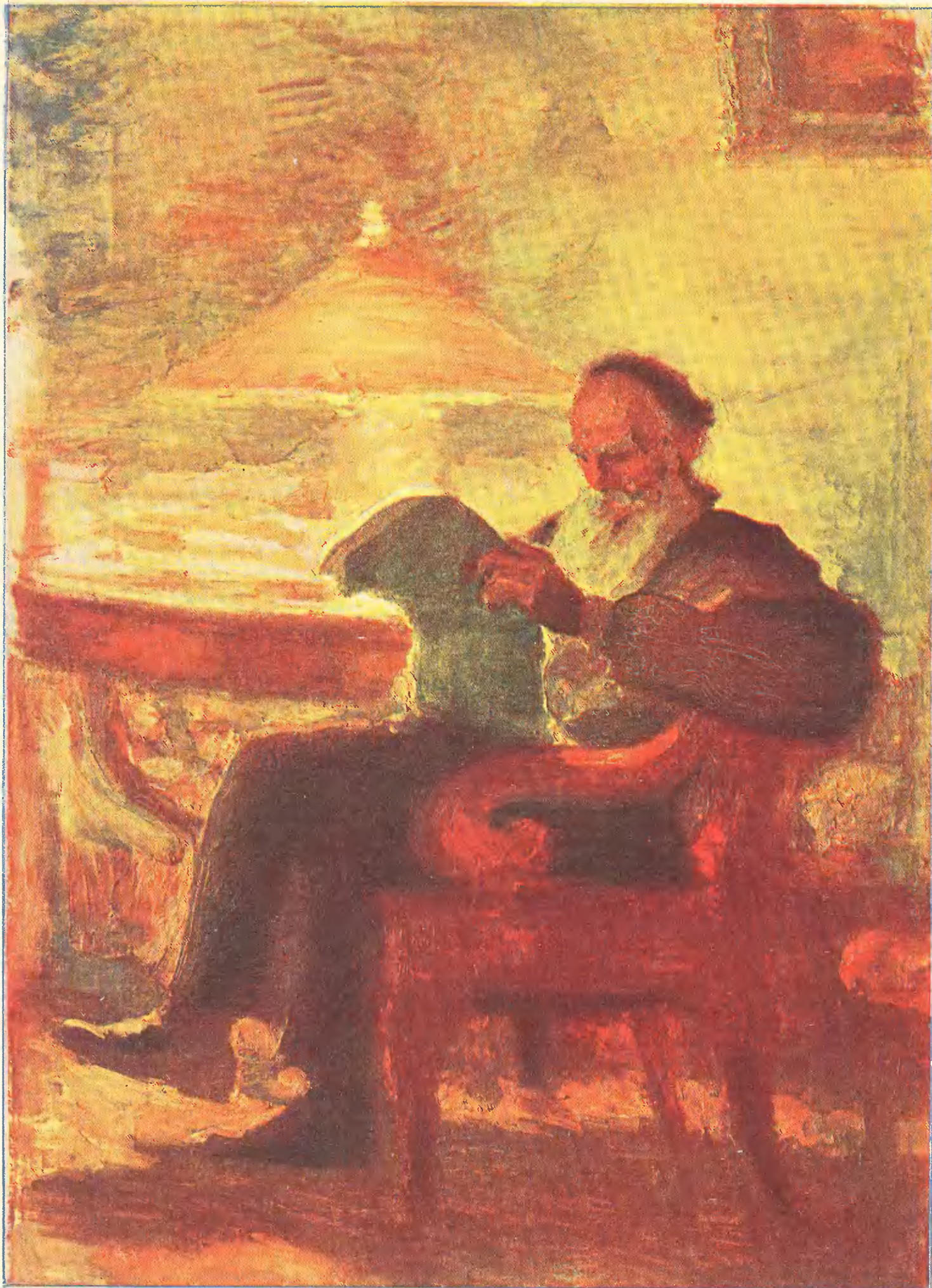
— А вы не сказали этого? — спросил кто-то.

— Нет.

— Напрасно, — сказал далее Лев Николаевич о В. Г. Черткове, — он этот дом построил, а то сказать бы им, выражаясь по-русски: убирайтесь вы все от меня к чортовой матери...

Что же касается полковника, то он не мог забыть «оскорбления», причиненного ему Толстым, и отомстил ему тем, что, заехав из Телятинок к местному священнику, сообщил ему, что он предполагал встретиться его совершенно не в таком виде и сказал: «Это разрушенное что-то такое, в роде гроба».

Об этом с тою же исполнительностью поспешил сообщить тульскому губернатору крапивинский исправник.

Толстой за чтением

Л. Пастернак (Толстовский музей в Москве)

Ясная Поляна в годы революции

И. Ильский

При жизни Льва Николаевича все правительство «российских самодержцев» интересовались Ясной Поляной, этой небольшой деревенькой Крапивенского уезда Тульской губернии, исключительно с точки зрения, охраны российской империи от зловредного толстовского влияния. Концепция культурных сил вблизи Толстого бичилась нежелательной. На просветительскую работу Толстого, когда еще в 60-х годах он окружил Ясную Поляну целой сетью сельских школ, правительство ответило жандармским обыском и преследованием учителей-студентов. Попытка Толстого 70-х годов устроить в Ясной Поляне крестьянскую семинарию не была поддержана тульским земством. Оно предпочло пожертвовать свободные земские средства на сооружение памятника «Великой Екатерине».

Школа, открытая в Ясной Поляне его дочерью, была закрыта тульским губернатором, а вместо нее, как противопоставление толстовству, возникло церковно-приходское училище, просуществовавшее до конца дней царского режима.

Что касается медицинской помощи населению, то с давних пор она оказывалась исключительно по частной инициативе Толстого и его семьи.

Совершенно новый этап в жизни Ясной Поляны открывался изданием постановления ВЦИК'а от 10 июня 1921 года. Помимо задач чисто музейного характера по охране знаменитой усадьбы, где жила, работала и похоронена Толстой, на дочь его Александру Львовну, как хранителя музея-усадьбы «Ясная Поляна», было возложено создание Ясно-полянского культурно-просветительского центра.

Главная гордость Ясной Поляны — это вновь воздвигнутое здание «школы-памятника Л. Толстому». Школа представляет из себя большое, светлое, двухэтажное здание, выстроенное по последнему слову строительной техники. Она рассчитана на 270 человек учащихся. В ней одиннадцать обширных классов, громадный рекреационный зал со сценой и оборудованием для кино, лаборатории, физические кабинеты, школьная библиотека, насчитывающая уже более пяти тысяч томов.

Педагогическая опытная станция «Ясная Поляна» существует с 1923 г. Нынешней весной в новое здание переведены все девять групп учащихся в Ясно-полянской школе II ступени.

Ясно-полянская школа II ступени рассчитана на обслуживании района в 15 селений, фактически же обслуживает 23 населенных пункта. Она имеет сельскохозяйственный уклон. Практические работы ведутся на школьном опытном участке, а также в совхозе «музея-усадьбы», образованном на 48 дес. приусадебной земли. В совхозе принят девятипольный севооборот, правильно поставлено животноводство и молочное дело. До некоторой степени хозяйство механизировано. Имеются сложные с.-х. машины, трактор, комбинированная молотилка и пр. Заметим кстати, что прежде, до революции, в частновладельческой Ясно-полянской экономике сельское хозяйство велось по старинке, т. е. во всех отношениях экстенсивно.

В программу общественно-полезных работ по сельскому хозяйству для старших групп учащихся в школе II ступени входит агрономическая агитация как в Ясной Поляне, так и в соседних деревнях в пользу новых приемов в земледелии и животноводстве. Результаты агрономической пропаганды, в связи с беседами агронома совхоза музея-усадьбы непосредственно с населением, не замедлили сказаться. Ясно-полянское сельское общество уже года три

тому назад распрощалось с вековой трехполькой — этим «бичем крестьянского хозяйства», — и перешло к многопольному севообороту. Многополье существует и в 3 других ближайших деревнях: в Гумонте и Телятинках второй год, в Воробьевке с прошлого года.

Под воздействием Ясно-полянской школы сдвиги совершаются теперь и в крестьянском животноводстве. Для местного района оно имеет громадное значение в виду близости такого крупного рынка, как Тула (15 верст).

Обычным практическим занятием учеников Ясно-полянской школы по животноводству служит, между прочим, составление кормовых норм по датскому способу для коров местного населения. Крестьяне уже давно сами стали обращаться с просьбами ставить у них опыты рационального кормления, и теперь датские нормы привились во многих крестьянских дворах Ясной Поляны и частично в других деревнях района.

Ясно-полянский культурно-просветительский центр имеет и филиалы. Учреждения его сосредоточены не в одном пункте. Быв. дом В. Г. Чертоква в деревне Телятинках, в трех верстах от Ясной Поляны, переданный в распоряжение Ясно-полянской организации в 1925 году, занят другой школой — семилеткой. Эта школа имеет профессиональный уклон в своем завершении. Дети, прошедшие четырехлетний курс, в зависимости от своих склонностей направляются для дальнейшего обучения или в Ясно-полянскую девятилетку или продолжают занятия в телятинской школе, в ее профессиональной надстройке с трехлетним курсом. Ясно-полянский педагогический коллектив ставит себе задачей дать деревне не только культурных земледельцев — общественников, будущих работников в разных видах кооперации и государственной агрономии, но и хорошо грамотных, квалифицированных столяров, слесарей, токарей и проч.

Квалификацию обучающиеся получают в мастерских при телятинской школе. Для девушек организована швейная мастерская.

Школа-семилетка в Телятинках органически выросла из первоначального более чем скромного начинания, восходящего к 1922 году. Еще тогда А. Л. Толстая устроила на усадьбе в Ясной Поляне небольшую столярную мастерскую для крестьянских ребят. Под нее было отведено совершенно неприкосновенное помещение под одной крышей и в непосредственной близости со скотным двором. Под руководством специалиста ученики работали здесь на самодельных станках. Недостаток в помещениях в то время так остро чувствовался, что здесь же, в этой мастерской происходили и школьные занятия по общим предметам. Теперешняя телятинская мастерская находится в специально приспособленном для нее помещении. Она механизирована, имеет станки и инструменты на 40 человек.

В быв. доме Чертоква помещается и интернат на 40 человек мальчиков и девочек школьного возраста. Все это сироты и беспризорные.

В области дошкольного воспитания в течение последних четырех-пяти лет в свою очередь шла, как и идет теперь, большая работа. В Ясной Поляне и еще в трех деревнях района ежегодно на два летних месяца открываются детские площадки. Кроме них, есть два постоянных детских сада: в Ясной и в Телятинках. В этих учреждениях, с годовой пропускной способностью в 250 человек, крестьянские малыши под наблюдением руководителей занимаются рисованием, вырезыванием из картона, приучаются к трудовой дисциплине.

Если ко всем перечисленным организациям прибавить еще такие медико-санитарные учреждения Ясно-полянского культурно-просветительского центра, как детские ясли и консультации для женщин, кормящих грудью, то получается непрерывная цепь учреждений, призванных заботиться о детях местного района, начиная с их грудного возраста и до полного оформления в Ясно-полянской школе II ступени или в телятинской школе, дающей профессиональную квалификацию.

Работа Ясно-полянского центра не исчерпывается одной педагогической деятельностью. С 1925 года открыт Ясно-полянский медицинский участок, обслуживающий 18 селений. Теперь медицинская организация разрастается в целый больничный поселок.

Просветительские и медицинские учреждения составляют главную основу Ясно-полянского культурно-просветительского центра. В состав его еще следует включить целый ряд возникших за последние годы учреждений общественного характера. В 1924 г. возобновилась потребительская кооперация. Обороты ее достигают теперь свыше 100 тысяч. В следующем году была организована молочная артель. Она дает возможность крестьянам и совхозу музея-усадьбы сбывать молочную продукцию организованно, без посредства всякого рода перекупщиков. В 1926 году было основано сельскохозяйственное товарищество, теперь преобразованное в кредитное. Небольшая пасека, существовавшая еще до революции при Ясно-полянской усадьбе и перешедшая затем во владение совхоза, послужила материальной основой для образования двух пчеловодных артелей. Каждая из них назначивает теперь более ста рамочных ульев. Наконец, по инициативе губернской совпартишколы за счет губернских средств, при содействии местного населения и совхоза при музее возник парком с оборудованной сценой и радио-громкоговорителем.

Во всех этих организациях деятельное участие принимали члены Ясно-полянского педагогического коллектива, участковый врач, агроном и др. работники.

Многополье, датские нормы кормления скота, распространение и укрепление в районе более высоких сортов сельскохозяйственных растений, общественный электромотор для молотбы, две общественные зерноочистительные машины «Трисер», — все это реальные завоевания в области крестьянского сельского хозяйства. Дальнейшая интенсификация его представляется близкой и возможной. В области коллективизации выделение коллектива хозяйств из Ясно-полянского общества на отдельный участок в нынешнем году делается реальным фактом. Меняется психология земледельца и деревенского обывателя. Растет благоустройство деревни. Больше внимания обращается на дороги. Около домов возникают цветники. Заводятся огороды. По деревне ходят разговоры об организации общественной бани.

Избы в Ясной Поляне в значительном числе теперь кирпичные, крытые железом, освещенные электричеством (с 1925 года). Уже сказывается влияние школьной и медицинской сети. В местном кооперативе имеют большой сбыт зубные щетки, о которых старая деревня не имела понятия. Рациональнее строятся дома.

Постановление ВЦИК'а выполнено в полной мере. Нет больше позорного противоречия прошлого, когда знаменитая толстовская усадьба, — один из пунктов мирового внимания и интереса, — граничила с закуладой, забытой государством деревней. Это противоречие изжито. Ясно-полянский памятник Толстому сооружен.

Очерк Ю. Соболева

В почтовом поезде, прошедшем рано утром 1 ноября 1910 г. через станцию Козельск по направлению на юг, в накуреном и холодном вагоне второго класса появилась группа новых пассажиров: седой старик в сильней поддевке, галошах, в темной скромной шапочке, его спутник, которого называли непривычным именем Душан Петрович, и две дамы. В вагоне было очень тесно, новых пассажиров кондуктора поместили в купе, занятом каким-то домовладельцем из Белева.

Уже через несколько минут все пассажиры знали, что в отдельном купе едет Лев Николаевич Толстой, — его тотчас же узнали. Узнали и одну из спутниц Льва Николаевича — его дочь Александру. К ней и к ее компаньонке Варваре Михайловне Феокритовой, так же как и к Душану Петровичу доктору Маковицкому, то и дело подсаживались любопытные с расспросами:

— Кто с вами едет? Это Лев Николаевич Толстой? Куда же он едет?

У многих были в руках только что полученные в Козельске свежие московские газеты от 30 октября. В них была уже напечатана последняя сенсация:

— Внезапный отъезд Л. Н. Толстого из Ясной Поляны.

— Лев Николаевич Толстой бесследно скрылся.

Эта сенсация обсуждалась громко, на весь вагон.

Несколько раз порывались любопытные ворваться и в самое купе. Александре Львовне с Варварой Михайловной стоило много усилий уберечь Толстого от назойливости той толпы, которая становилась непрошенной спутницей всего его последнего пути.

И кажется, что во всем вагоне только и хваило деликатности у этого, так и оставшегося неизвестным по имени, белевского домовладельца. Он уступил все купе Толстому, сказав Александре Львовне:

— Я ведь знаю многое по газетам. Я истинный поклонник Льва Николаевича. Располагайте мной, как хотите. Если Лев Николаевич согласится, я могу предложить свой дом в Белеве. — его там никто не побеспокоит.

Толстой лег на вагонный диван. Его, повидимому, лихора-

дило. На следующей станции попросил купить ему газет. Прочитав их, огорчился: — Все уже известно: все газеты полны моим уходом.

А человеческая пошлость с газетных столбцов выступала назойливо. Толстой назывался в газетах «славным восьмидесятидвухлетним старцем», «беглецом, в розысках которого участвуют корреспонденты газет, рассылаемые по всем городам и весям».

Во всех этих газетных сенсациях самое неприятное для Толстого было то, что он уже теперь знал неизбежность начатых розысков. Его разыскивала семья, репортеры московских и петербургских газет, а судя по некоторым намекам, и полиция. Не случайно же в одной из газет была помещена заметка, говорившая о том, что

калужский губернатор по просьбе графа Андрея Львовича (сына Льва Николаевича) Толстого сделал распоряжение исправникам не чинить препятствий Льву Николаевичу в смысле пребывания его в Шемардине или в Щекине, куда, как предполагалось, он поехал, не записавшись паспортом. Было велено не трогать «беспаспортного Толстого». Но это вовсе не значило, что полиция, со своей стороны, не предпримет розысков. И, действительно, раньше чем Толстой высал из Оптиной пустыни, в Ясную Поляну был срочно командирован помощник начальника тульского сыскного отделения — по личному приказанию тульского губернатора — обнаружить местопребывание «беглеца». Ничего не обнаружив, сыщик вернулся в Тулу.

Путь Толстого проходил через три губернии, и три губернатора — тамбовский, тульский и рязанский — обнаружили следы административного волнения.

Заболевший Толстой должен был остановиться на станции Астапово. Здесь он находился сперва в «дамской комнате», а потом по приглашению И. И. Озолина (скромное имя этого трогательно-великодушного человека, оказавшего последнюю услугу Толстому, вошло в историю) перешел в его домик. Но не успел Лев Николаевич еще воспользоваться гостеприимством начальника Астаповской станции, как тульский губернатор князь Оболенский, великодушно информированный своими агентами, уже телеграфировал начальнику жандармского управления Московско-Уральской жел. дороги:

«Благоволиите сообщить, кем разрешено Льву Толстому пребывание в Астапове в станционном здании, не предназначенном для помещения больных. Признано необходимым принять меры отправление в лечебное заведение или постоянное местожительство».

Начальник жандармского управления немедленно, в свою очередь, запрашивает, ссылаясь на телеграмму губернатора, ротмистра Савицкого, начальника елецкого жандармского управления, все о том же, «кто разрешил Толстому пребывать в станционном здании». И, вероятно, Толстой, уже охваченный воспалением легких, был бы отправлен в лечеб-

Больной Толстой на ст. Астапово

Рис. Вл. Росинского

Толстовский музей

ное заведение» или «на постоянное местожительство», если бы тот же ротмистр Савицкий не получил нового распоряжения генерал-майора Львова, отменившего распоряжение рязанского губернатора. Дело в том, что уходом Толстого из Ясной Поляны заинтересовались в высших сферах: распоряжением председателя совета министров П. А. Столыпина был отправлен в Тулу специальный чиновник особых поручений для выяснения всех обстоятельств на месте. Мало этого: так как последствия начавшейся болезни Толстого могли быть катастрофичны, да и весь вопрос о Толстом приобретал теперь мировое значение, русское правительство почувствовало, что оно попадет в неловкое положение. Как быть дальше с Толстым, отлученным от православной церкви? Служить ли молебны о его выздоровлении, — а такие заявления о молебнах уже поступали от «православных христиан», а если умрет, — петь ли по нем панихиды и погребать ли его по установленным обрядам?

И как посмотрит на все это Европа?

Поэтому, не ограничиваясь командировкой чиновника особых поручений, министерство внутренних дел предложило выехать на станцию Астапово вице-директору департамента полиции Харламову, пребывание которого вблизи Толстого должно было быть, однако, законспирировано. Харламов так и приехал в Астапово «инкогнито».

Администрация проявила даже «заботливость» в отношении больного «великого писателя земли русской»: на станцию Астапово для ограждения ее от нашествия любопытных отправлено в помощь местным жандармам еще пять унтер-офицеров.

Астапово было осаждено не только любопытными, но главным образом корреспондентами. Вот за ними-то, как за людьми «менее надежными» — к тому же «многие из них были иудейского вероисповедания» — и установил ротмистр Савицкий особо тщательное наблюдение. Не без гордости писал генерал Львов в своем докладе министру, что ротмистр Савицкий сумел «заагентурить» одного из астаповских телеграфистов. Через него жандармы имели все телеграммы, отправляемые как семьей Толстого, так и газетными корреспондентами.

Болезнь Толстого держала в напряжении не только маленькую полосу «района железнодорожного отчуждения Астаповской станции» и не только его семью. Действительно, весь мир был встревожен вестями, шедшими из глухой безвестной станции. И русское правительство мобилизовало прежде всего охранку. В Астапово высылали рязанский губернатор, начальник рязанского жандармского губернского управления, помощник начальника московского охранного отделения и несколько филеров. Всем руководил действительный статский советник Харламов, инкогнито которого, впрочем, было разоблачено.

И в то время, когда могучий организм Толстого в последний раз боролся со смертью, «святейший правительствующий

синод» дважды собирался на экстренное заседание и все по одному и тому же поводу — решать вопрос о Толстом: снимать ли с него отлучение или оставить его в силе со всеми вытекающими отсюда последствиями? И было решено так: если Толстой перед смертью скажет хоть одно слово: «каюсь», — считать его вернувшимся опытом в лоно православной церкви. Для того, чтобы добиться этого покаяния, пускается в ход вся бюрократическая машина господствующей церкви. Идет переписка между синодом и тульской епархией, между тульской епархией и Олгинской пустыней. Отцы духовные принимают участие в астаповской трагедии не менее заметное, чем жандармы и филеры охранки.

В Астапово приезжает, наконец, игумен Варсонофий. Монах — кстати сказать, в миру отставной полковник, — проявляет не только усердие, но и назойливость. Ротмистру Савицкому он по секрету сообщает, что «привез с собою св. дары, и если бы Толстой сказал одно слово: «каюсь», то

погребения Толстого. Андрей Львович вынужден сказать, что в распоряжении семьи нет никаких данных полагать, что Лев Николаевич выражал желание быть похороненным по обрядам православной церкви. Парфению делать больше нечего, и он уезжает.

На впервые официально объявленные гражданские похороны в России для «охранения порядка» мобилизуется целая армия: 100 стражников тульского отряда, 10 стражников Чернского и Богородицкого уездов под руководством «надлежащих станковых приставов». На станцию Шекино, куда прибудет траурный поезд, отправлены тульский полицмейстер, тульский уездный исправник и все урядники Тульского уезда. Установлена цензура надписей на венках, и приняты все меры для безмолвия толпы. Народ должен безмолвствовать. Нельзя петь «вечную память». И это распоряжение полиции — в полном соответствии с разъяснением «святейшего синода», который, осведомленный о «безбожной» кончине Толстого, распорядился 9 ноября через митрополита петербургского уведомить всех благочинных о «воспрещении духовенству отправлять панихиды и другие заупокойные богослужения по Льве Николаевиче Толстом».

«Опытный в цензуре политических речей», как был аттестован один из московских чиновников, посланных в Ясную Поляну, пробрался и в ту комнату Ясной Поляны, в которую был поставлен гроб с прахом Толстого. Он оставался в ней и тогда, когда, по просьбе семьи, вышли все посторонние. И, несмотря на резкий протест Ильи Львовича Толстого, обращенный к тульскому полицмейстеру.

Толстой на смертном одре

игумен в силу своих полномочий считал бы его отказавшимся от лжеучения и напутствовал бы его перед смертью, как православного. Игумен посылает Александре Львовой письмо-просьбу допустить его к Толстому. Получает отказ и снова, не обращая внимания на решительный тон А. Л. Толстой, шлет новое послание.

Миссия Варсонофия не удается. Но за Варсонофием спешит в Астапово архиепископ тульский Парфений. Этот приезжает, когда уже все кончено. Но и у Парфения есть, как оказывается, тайное поручение. Тому же ротмистру Савицкому он доверительно сообщает, что «командировал синодом по личному желанию императора для того, чтобы узнать, не было ли за время пребывания Толстого в Астапове каких-либо обстоятельств, указывающих на желание покойного графа раскаяться в своих заблуждениях, или, быть может, имеются какие-нибудь намеки на то, что Толстой не был против погребения его по православному обряду».

Этот разговор с Савицким происходит в те минуты, когда семья Льва Николаевича прощается с его прахом. Еще не остыло тело Толстого, а любопытный епископ Парфений вызывает к себе на беседу Андрея Львовича Толстого, пытается у него узнать намерения семьи касательно

этого соглашения так и остался в комнате!

Но никакой демонстрации, несмотря на присутствие на погребении четырехтысячной толпы, не произошло. «В виду тесноты места, засаженного деревьями (места могилы), стражники были удалены, но находились вблизи наготове», — читаем мы в докладе тульского губернатора о погребении. Впрочем, докладывать нечего: «Толпа без всяких происшествий» разошлась с могилой. Но это не конец последней забогливости, оказанной правительством в отношении Толстого: «в Ясной Поляне и в усадьбе Черткова мною установлено несласное наблюдение, о результатах коего я представляю дополнительно вашему высокопревосходительству», — писал тот же тульский губернатор.

А его императорское величество на докладе министра внутренних дел о кончине Толстого «собственноручно начертать соизволил» следующее: «Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего во время расцвета своего дарования в творениях своих родные образы одной из славнейших годин русской жизни. Господь бог да будет ему милостивым судьей».

Такой маловразумительной, напичканной писарским языком высочайшей «отметкой» самодержавная власть отозвалась на смерть Льва Толстого.

Главнейшие даты биографии Толстого

- 1828 г. Сентябрь 9 (нов. ст.) в Ясной Поляне Крапивненского у. Тульской губ. родился Лев Николаевич Толстой. Его предки — родовитые дворяне. Отец — подполковник в отставке — граф Николай Ильич Толстой (1796—1837; выведен в «Войне и Мире» в лице гр. Николая Ростова) был сыном богатого помещика, казанского губернатора гр. Илья Андреевича Толстого (1757—1820; в «Войне и Мире» изображен в лице гр. Илья Андр. Ростова). Мать — Мария Николаевна — рожд. кн. Волконская (1790—1830; прообраз Марии Болконской в «Войне и Мире») — дочь генерал-аншефа, князя Николая Сергеевича Волконского (1753—1821; описан в «Войне и Мире» в образе кн. Пик. Андр. Болконского).
- 1830 г. Август. Смерть матери Толстого. Заботы по воспитанию пятерых детей изила на себя дальняя родственница Толстых, «тетенька», как называл ее Толстой, Татьяна Александровна Ергольская.
- 1837 г. Скоропостижно умер отец Толстого. В этот же год семья Толстых переселилась в Москву для продолжения воспитания детей.

Казанский университет

- 1841 г. Семья Толстых переселилась в Казань.
- 1844 г. Толстой зачислен студентом восточного отделения философского факультета Казанского университета.
- 1845 г. Май. Вследствие увлечения Толстого светскими удовольствиями, небрежного отношения к занятиям, пропуска лекций и несдачи полугодовых испытаний — он не был допущен к переводным экзаменам на 2-й курс. В октябре Толстой перешел на юридический факультет.

Толстой — студент

- 1847 г. Разочаровавшись в университетской науке, Толстой бросает университет и едет из Казани в Ясную Поляну, которая после формального разрыва между братьями достается ему.
- 1848 г. Безалаберная светская жизнь Толстого в Москве.
- 1849 г. Март 30. Толстой в Петербурге подает прошение ректору С.-Петербургского Университета о допущении его к испытаниям на степень кандидата прав.
- Апрель. Толстой держит экзамены и после успешной сдачи по двум предметам прекращает их и уезжает в Ясную Поляну.
- 1851 г. Март. Первый набросок «Детства».
- Апрель 20. Отъезд Толстого из Ясной Поляны с братом Николаем Николаевичем на Кавказ с целью определиться на военную службу. (Ник. Ник. служил на Кавказе артиллерийским офицером.)
- 1852 г. Экзамен на юнкера в штабе Кавказской грендерской артиллерийской бригады.

Приказ о зачислении Толстого на службу «фливеркером 4-го класса батальона № 4 батареи, 20 артиллерийской бригады».

Выход в свет 9-й книжки «Современника», в которой было напечатано первое произведение Толстого «Детство» под заглавием (измененным редактором Некрасовым) «История моего детства» и подписанное

им «Л. Н.». Работа над «Романом русского помещика» (отрывок из него «Утро помещика» был напечатан в 1856 г.).

1853 г. В № 3 «Современника» 1853 г. был напечатан рассказ Толстого «Набег».

Толстой — офицер

- 1853 — 1854 гг. Участие Толстого в войне с горцами, производством в прапорщик; служба в Дунайской армии, производством в подпоручики; служба в Севастопольской армии.
- 1854 г. В № 10 «Современника» было напечатано «Отрочество» Толстого (начала писанное во второй половине мая 1853 г.). Подпись под лей «Л. Н. Т.».
- 1855 г. Участие Толстого в обороне Севастополя. В № 6 «Современника» напечатан рассказ «Севастополь в декабре» (писался с конца марта по конец апреля 1855 г.). В № 9 «Современника» напечатаны рассказы «Рубка леса» и «Севастополь в мае» под заглавием «Ночь в Севастополе». Рассказ был изуродован цензурой, изменен и урезан. Появился без подписи Толстого.
- Поябрь. Толстой приезжает в Петербург курьером из Севастополя. Знакомство с Тургеневым и кружком «Современника» — с Некрасовым, Панаевым, Гончаровым, Майковым, Писемским, Дружининым, Островским и др.
- 1856 г. В № 1 «Современника» напечатан рассказ Толстого «Севастополь в августе 1855 г.».

Март 26. Толстой произведен в поручики.

Середина года. Вышли в свет отдельные издания «Военные рассказы» Толстого и «Детство и отрочество».

Ноябрь 26. Толстой вышел в отставку от военной службы.

- 1857 г. В № 1 «Современника» была напечатана повесть Толстого «Юность».

Февраль — июль. Первое заграничное путешествие Толстого (Париж, Женева, Цюрих, Сев. Италия, Дрезден, Берлин).

- Сентябрь. В № 9 «Современника» напечатан рассказ «Люцерн».

- 1858 г. В «Современнике», № 8; напечатан рассказ Толстого «Альберт».

- 1859 г. В № 1 «Библиотеки для чтения» появился рассказ Толстого «Три смерти».

Январь — апрель. Писание романа «Семейное счастье», который был напечатан в «Русском Вестнике» за этот год, № 4, кн. 1 и 2.

Осень. Учреждение Толстым в Ясной Поляне школы для крестьянских детей.

- 600 г. Июль. Второе заграничное путешествие Толстого (Штутгарт, Берлин, Лейпциг, Дрезден).

- Сентябрь 20. Смерть брата Толстого Николая.

Путешествие по Италии, поездка в Ниццу, Флоренцию, Ливорно, Пизу, Рим, Париж. Изучение школьного дела.

- 1861 г. Февраль — март. Поездка Толстого в Лондон. Знакомство с А. И. Герценом. Отъезд в Брюссель. Осмотр бельгийских школ.

Апрель. Возвращение из-за границы в Россию.

Май 25. Ссора Толстого с И. О. Тургеневым. (Разрыв отношений между ними продолжался в течение следующих 17 лет.)

- 1862 г. Работа над педагогическими статьями. Основание педагогического журнала «Ясная Поляна».

Июль 6—7. Обывек в Ясной Поляне вследствие подозрения, что студенты-ученики яснополянских школ печатают нежелательные книжки.

Сентябрь 23. Женитьба Толстого на Софье Андреевне Берс (рожд. 1844 г.).

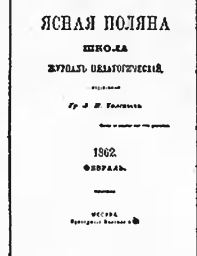
- 1863 г. Январь. Вышла в свет повесть «Казак» (Напечат. в «Русск. Вестн.», 1863 г. № 1).

Февраль. Появился в печати («Русск. Вестн.», № 2) рассказ «Поликушка».

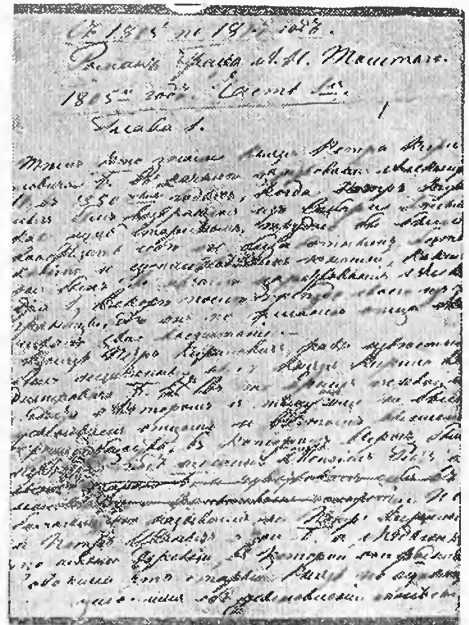
Июнь 28. Рождение первого сына Толстого, Сергея.

Осень. Начало писания «Декабристов», не помещенного у Толстого данные нескольких отрывков, и начало писания «Тысяча восьмьсот пятого года» («Войны и Мира»).

- 1864 г. Выход в свет собр. соч. Толстого, в издании Ф. Стелловского, в 2 томах.

- Октябрь 4. Рождение у Толстого дочери Татьяны.
- 1865 г. В № 1, 2 «Русского Вестника» напечатано начало романа Толстого «Тысяча восьмьсот пятый год», составляющее две первые части «Войны и Мира».
- 1866 г. В № 2, 3, 4 «Русск. Вестника» были напечатаны 24 главы «Тысяча восьмьсот пятого года».
- Май 22. Рождение у Толстых второго сына Илья.
- 1867 г. Вышли в свет I, II и III томы «Войны и Мира».
- 1868 г. Вышел IV том «Войны и Мира».

Страница рукописи «Войны и Мира»

- 1869 г. Вышли V и VI томы «Войны и Мира».
- 1868—1869 г. Второе издание всего романа.

- 20 мая. Рождение третьего сына у Толстых Льва. Летом этого года Толстой увлекался философией, изучал Шопенгауэра, Канта, Гегеля.

- 1870 г. Толстой с увлечением изучает греческий язык и овладевает им настолько, что в марте след. года читает Гомера, Платона, Ксенофонта в подлинниках.

- 1871 г. Февраль 12. Рождение дочери Марии. (Ум. 1906 г.) Покупка Толстым у ген. Тучкова имения с 2.500 дес. земли в Бузулукском уезде Самарской губ.

- 1872 г. Появление в печати рассказов «Кавказский пленник» и «Бог правду видит, да не скоро скажет». Выход в свет «Азбуки» Толстого.

- Июнь 13. У Толстого родился четвертый сын Петр (ум. 1873 г.). Писание романа из эпохи Петра I.

- 1873 г. Март 18. Начало писания «Анны Карениной».

- Май — август. Поездка Толстого с семьей на кумы в Самарск. губ.

- Сентябрь. Художник И. Н. Крамская написал портрет с Толстого для Третьяковской галлерей.

- Выход третьего собр. соч. Л. Н. Толстого в 8 томах.

- 1874 г. Апрель 22. Рождение сына Николая (ум. 1875 г.).

- Июнь 20. Смерть воспитательницы Толстого Т. А. Ергольской.

- 1875 г. В № 1—4 «Русск. Вестника» напечатаны 2 первые части и 10 глав 3-й ч. «Анны Карениной». Вышла в свет «Полюшка» Толстого.

- 1876 г. В № 1—4 и 12 «Русского Вестника» напечатаны концы 3-й части, чч. 4 и 5 «Анны Карениной».

- 1877 г. В № 1—4 «Русск. Вестн.» появились 6 и 7 части «Анны Карениной». Последнюю 8-ю ч. Катков отказался печатать в своем журнале вследствие неодобрительного отзыва в ней Толстого о Восточной войне. Восьмая часть Толстым в этом же году была издана отдельно.

С. А. Толстая

Л. Н. Толстой (фот. 1862 г.)

Декабрь 6. Рождение сына Андрея (ум. в 1916 г.).
1878 г. Толстой вторично приступил к писанию романа «Декабристы». Покупка Толстым в Бузулукском уезде Самарск. губ. имения с 4.022 десят. земли. Отъезд Толстого в свои имения с семьей на июнь, и июль. В августе и сентябре И. С. Тургенев дважды посетил Толстого в Ясной Поляне, впервые после их ссоры в 1861 г. «Анна Каренина» вышла отдельным изданием в трех книгах.

1879 г. В ноябре Толстой написал «Исповедь». Декабрь 20. Рождение у Толстых сельской сын Михаил.

1880 г. В конце года вышло 4-е собр. сочинений Толстого в 11 томах.

1882 г. Печатание в «Русской мысли» «Исповеди» и ее запрещение (впервые напечат. за границей в 1884 г.). Осенью покупка в Москве дома в Долго-Хамовническом пер. Переезд в Москву. Толстой занимается древне-еврейским языком, изучает Библию и Талмуд. Писание книги «В чем моя вера».

1883 г. Последнее письмо И. С. Тургенева к Толстому с просьбой вернуться к художественной деятельности.
22 августа смерть Тургенева; запрещение Толстому публично читать о нем в Общ. Люб. Росс. Словесности. Толстой познакомился с В. Г. Чертковым, который вскоре стал самым близким его другом и ревностным последователем его учения.

1884 г. Цензурой запрещена «В чем моя вера». Писание статьи «Так что же нам делать?». Недовольство Толстого жизнью семьи. Впервые мысль об уходе из Ясной Поляны навсегда. Толстой учится сапожному ремеслу.

18 июня рождение младшей дочери Александры. Осенью Толстой выдал жене Софье Андреевне доверенность на ведение дел и издание своих сочинений. Толстым и В. Г. Чертковым организовано издательство «Посредник».

1885 г. Печатание в «Русской мысли», № 1, первых 17 глав «Так что же нам делать?» и запрещение их цензурой.

Март 17. Написан рассказ «Илья», начавший собою серию «Народных рассказов». Начато писанием «Смерть Ивана Ильича».

1886 г. Толстой продолжает работать над народными рассказами. Вышло в свет пятое изд. сочинений Толстого в 12 томах. Окончена Толстым «Смерть Ивана Ильича».

Поезд в Ясную Поляну

5-9 апреля Толстой поехал вместе с П. П. Гр. сыном художника, совершает путешествие из Москвы в Ясную Поляну. По дороге встречается николаевского солдата, записывает его рассказ и в апрельские дни пишет свой рассказ «Николай Палкин».

Август-октябрь. Серьезная болезнь Толстого, воспадение на почках и на поге.

Октябрь-ноябрь. Создание драмы «Власть Тьмы». В конце года выход в свет 6-го изд. соч. Толстого в 12 томах.

1887 г. Запрещение к постановке «Власти тьмы» на сцене. Толстой отказался от миссионерской. Седьмое изд. соч. Толстого в 11 томах.

1888 г. Отпечатанная отд. книгой статья Толстого «О жизни» была уничтожена цензурой (появилась впервые за границей в 1891 г.).

31 марта родился младший, девятый сын Толстого Иван (ум. в 1895 г.).
1889 г. Написано Толстым: комедия «Плоды просвещения», Крейцерово соната, при печатании запрещенная, и рассказ «Дьявол». Начало работы над статьей об «Искусстве» и романом «Воскресение». Восьмое изд. собр. соч. Толстого в 12 томах. (Том 13-й с помещенной в ней «Крейцеровой сонатой» вышел в 1891 г.)

1890 г. Написаны статьи: «Для чего люди умирают», «Послесловие к Крейцеровой сонате». Писание «Отца Сергия», «Воскресения», статьи «О исповедничестве».

1891 г. В № 258 газеты «Русск. Ведом.» напечатан отказ Толстого от литературной собственности на сочинения, написанные им после 1881 года. (Соч., написанные до этого года, были отданы им в собственность Софьи Андреевны.)

В октябре написаны «Письма о голоде», запрещенные цензурой. Отъезд Толстого с дочерью в Давидовский уезд Рязанск. губ., для работы на голоде. Работа в течение этого года и трех след. лет над книгой «Царство божие внутри вас».

1893 г. Девятое изд. соч. Толстого в 13 томах.

1894 г. Работа над статьей «Христианское учение», драмой «Петр-милитарь», «Молодой царь», «Три пригласия».

1895 г. Напечатан рассказ «Хозяин и работник». Первое замечание Толстого, записанное в дневнике. Болезнь Толстого. Писание «Воскресения». Первое представление «Власти тьмы».

1896 г. Писание драмы «И свет во тьме светит». Окончено начерно «Воскресение» в первой редакции.

1897 г. Два письма Толстого к Николаю II по поводу отлития детей у молокан. Писание Толстым «Хаджи-Мурата», окончание и выход в свет статьи «Что такое искусство?». Десятое издание сочинений Толстого в 14 томах. Толстым получено несколько анонимных писем с угрозой убить его за выслушивание против церкви.

1898 г. Письмо Толстого к обществу о помощи духоводом. Работа по оказанию помощи голодающим в Тульской и Орловской губ. Окончен рассказ «Отец Сергий», писание «Воскресения». Отъезд духоводомов з Кападу и вместе с ними старшего сына Толстого, С. Л. Толстого и Л. А. Сувержницкого.

1899 г. В течение года печатается в журн. «Пина» «Воскресение». Цензура запретила в романе два главы целиком и вычеркнула до 60 отдельных мест.

1900 г. Избрание Толстого и почтенные академики по разряду изысканий словесности. Апрель. Поезд в Астану к запрещению молитвы за Л. П. Толстого в случае его смерти.

Писание статей «Не убий», «Где выход», рассказа «Неужели так надо», драмы «Живой труп». Тяжелая болезнь Толстого.

1901 г. 20-22 февраля. Определение синода об отлучении Толстого от церкви. Демонстрация в Москве и Петербурге в связи с отлучением Толстого. Письмо-статья Толстого «Царю и его помощникам». Манифестация в честь Толстого на передвижной выставке в Петербурге перед его портретом работы Ренина. Работа над ответом на опрес-

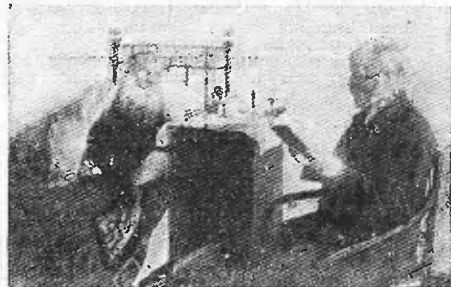
Рис. И. Е. Ренина

деление синода» и «Хаджи-Муратом». Тяжелая болезнь Толстого, отъезд в Крым. Почти безнадежное положение Толстого. Письмо митрополита Антония к С. А. Толстой с увещанием обратиться Толстого к церкви.

1902 г. Писание «Хаджи-Мурата», «Фальшивого кулона» и «Разрушения и восстановления ада».

1903 г. Писание «Воспоминаний», глав «Хаджи-Мурата», посвященных изображению Николая I, сказок «Три вопроса», «Труд, смерть и болезнь» и др., и рассказа «После бала».

11-е издание соч. в 14 томах.

Толстой и доктор Маковецкий

1904 г. Писание рассказа «Божеское и человеческое», работа над «Кругом чтения», статьей о русско-японской войне «Одумайтесь», писание «Воспоминаний детства». Смерть брата Толстого Сергея Николаевича.

1905 г. Работа над рассказами «Алеша Горшок», «Корней Васильев», «Зеленая палочка», «Ягоды», «Посмертные записки старца Федора Кузьмича».

1906 г. Писание рассказов «За что?», «Отец Василий», «Что я видел во сне». Тяжелая болезнь печения у Толстого.

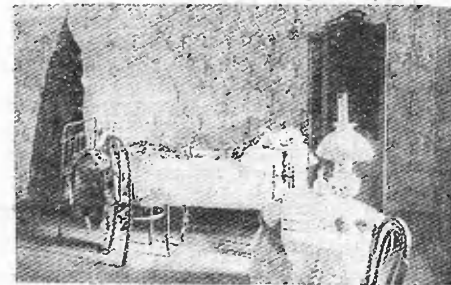
1908 г. Известие в газетах о смертном приговоре над 20 крестьянами. Толстым по этому поводу написана статья «Не могу молчать».

Получение Толстым письма с версией с советом повеситься, как ответ на статью «Не могу молчать».

1909 г. Писание рассказов «Навет Кудряш», «Кто убийцы?», «Детская мудрость», «Нет в мире виноватых», «Песни на деревне» и др.

1910 г. Писание рассказа «Ходынка», комедии «От ней все качества», рассказа «Нечаянно».

Составление последнего замечания и подписание обстоятельной записки к замечанию, составленной В. Г. Чертковым.

Комната в Астане, в кот. умер Толстой

Октябрь 28. Уход Толстого из Ясной Поляны в сопровождении доктора Д. П. Маковецкого. Болезнь Толстого в дороге и остановка на ст. Астаново.

Ноябрь 3. Последние записки в дневнике.

Ноябрь 7. В 6 ч. 5 м. утра смерть Толстого. Рассылка св. синодом телеграмм с запрещением отправлять церковные требы по умершему.

Ноябрь 9. Погребение тела Толстого в Ясной Поляне.

ГОСИЗДАТ К СТОЛЕТИЮ ЛЕВ ТОЛСТОЙ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В 15 ТОМАХ. Редакция К. Халабаева и В. Эйхенбаума. Вступит. очерк Л. И. Аксельрод-Ортодокс. Примечания Вс. И. Срезневского.

Каждый том содержит от 16 до 35 печатных листов (от 250 до 500 страниц), отпечатанных на хорошей плотной бумаге большого формата 14 × 21, часть тиража выпускается в отличном коленкором переплете с цветным тиснением.

ВСЕ тексты произведений заново проверены по печатным и рукописным первоисточникам, сделанные цензурой купюры и искажения восстановлены по первоисточникам, темы снабжены примечаниями, выясняющими историю происхождения каждого произведения.

ПО ПОЛНОТЕ и редакционной обработке это полное собрание художественных произведений превосходит все прежние издания.

Издание снабжено 12 порт. Л. Н. ТОЛСТОГО.

Вышли т.т. I, II, III и XII.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА в коленк. перепл. 22 р. УСЛОВИЯ ПОДПИСК: На издание в перепл. заготовок 4 р., при высылке шести посылков (по 2 тома в каждой) по 3 р., последние три тома без доплаты.

ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ПОДПИСЧИКА. ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: Москва, Ильинка, 3. ГОСИЗДАТ, тел. 4-87-19, в отделении и магазинах Госиздата.

ТОЛСТОЙ В СЕРИЯХ:

„КЛАССИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“

Детство, отрочество и юность. В трех вып.

Вып. I. Детство. Стр. 147. Ц. 30 к.

Вып. II. Отрочество. Стр. 112. Ц. 30 к.

Вып. III. Юность. Стр. 226. Ц. 40 к.

Кавкази. Кавказская повесть. Стр. 220. Ц. 40 к.

Севастополь. Стр. 172. Ц. 30 к.

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ. Стр. 668. Ц. 35 к.

„ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА КЛАССИКОВ“

Алена Горшок. Записки матери. За что? Ходячки. Фрагменты. Ц. 15 к.

Власть тьмы. Ц. 20 к.

Декабристы. Ц. 20 к.

Живой труп. Печ.

Кавказский пленник. Стр. 32. Ц. 8 к.

Плоды просвещения. Печ.

Поликушка. Повесть. Стр. 68. Ц. 15 к.

После бала. Стр. 20. Ц. 6 к.

Рассказы. Встреча в отряде с московским знакомым. Метель. Два гусара. Альберт. Цена 35 к.

Рассказы. Набег. Рубка леса. Люцерн. Записки маркера. Стр. 132. Ц. 20 к., в папке 30 к.

Смерть Ивана Ильича. Стр. 78. Ц. 15 к.

Хозяин и работник. Корней Васильев. Ц. 20 к.

СЕРИЯ „УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА“

Дьявол. Стр. 92. Ц. 20 к.

Кавкази. Кавказская повесть. Стр. 228. Ц. 40 к.

Крейдерова соната. Стр. 124. Ц. 20 к.

Отец Сергей. Повесть. Стр. 89. Ц. 20 к.

Севастополь. Стр. 184. Ц. 30 к.

Хаджи Мурат. Повесть. Стр. 174. Ц. 30 к.

Ягоды. Печ.

Ягоды. Печ.

ТОЛСТОЙ В СВЕТЕ МАРКСИЗМА

О Толстом. Литературно-критический сборник. Под ред. Б. Фриче. (Печатается).

Содержание: В. И. Ленин. Л. Н. Толстой как зеркало русской революции. — Л. Н. Толстой. — В. И. Ленин, Лев Толстой и современное рабочее движение. — В. И. Ленин. Герой «огорок». — В. И. Ленин. Толстой и его эпоха. — Г. В. Плеханов. Толстой и природа. — Г. В. Плеханов. Отсюда и досюда. — Г. В. Плеханов. Смешные представления. — Г. В. Плеханов. Карл Маркс и Лев Толстой. — Г. В. Плеханов. Еще о Толстом. — Роза Люксембург. — Лев Толстой. — Л. Аксельрод (Ортодокс). Душевная трагедия Л. Н. Толстого, как основа его вероучения. — Л. Аксельрод (Ортодокс). «Воскресение». — Л. Аксельрод (Ортодокс). Лев Толстой и социал-демократия. — Л. Аксельрод (Ортодокс). — Посмертные произведения Л. Н. Толстого. — А. В. Луначарский. Толстой и Маркс. — И. Нанов. Л. Н. Толстой. — В. М. Фриче. Толстой. — Мартынов. Лев Толстой как памятник исторического прошлого.

О Л. ТОЛСТОМ. Сборник статей.

Сост. И. М. Ташкаров. Предисл. Ф. Ф. Раскольникова. Стр. 61. Ц. 25 к.

ЛЕНИН В. И. О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ. (Земская библиотека).

Стр. 22. Ц. 8 к.

ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. СТАТЬИ О ТОЛ-

СТОМ. Сборник. Печат.

ВОЛИН БОР. ЛЕВ ТОЛСТОЙ В ОЦЕН-

КЕ В. И. ЛЕНИНА.

Стр. 29. Ц. 20 к.

Плеханов, Г. В. Статьи о Л. Толстом. С предисл. В. Вагана. Стр. 94. Ц. 20 к.

Плеханов, Г. В. Соч. под ред. Д. Рязанова. Том XXIV. (Ин-тут К. Маркса и Ф. Энгельса). Стр. 383. Ц. в п. 2 р. 60 к.

Войтовский, Л. Очерки истории русской литературы XIX и XX вв.

Часть первая. Пушкин — Достоевский. Изд. 3-е, испр. Стр. 242. Ц. 1 р. 50 к. Имеется глава «Л. Толстой» (стр. 124 — 154).

Горбачев, Р. Е. Капитализм и русская литература. Историко-литературные и критические статьи. Изд. 2-е, исправл. и доп. Стр. 227. Ц. 1 р. 50 к. Имеется глава «Лев Толстой в борьбе с буржуазной культурой» (стр. 70 — 96).

Коган, Н. С. Очерки по истории новейшей русской литературы. Том III. Изд. 6-е. Стр. 304. Ц. 1 р. 85 к.

Луначарский, А. В. Литературные очерки. Стр. 108. Ц. 1 р. Имеется статья «Смерть Толстого и молодая Европа» (стр. 89 — 97).

Меринг, Франц. Мировая литература и пролетариат. Сборник статей. Перев. с нем. Е. А. Гуревич. под редакцией А. С. Мартинова. Предисл. Э. Цобеля. Стр. 360. Ц. 1 р. Имеются статьи: «Власть тьмы» и «Смерть Льва Толстого» (стр. 243 — 252).

Назаренко, Я. А. История русской литературы XIX века. Изд. 7-е, исправл. Стр. 415. Ц. 2 р. и в/п. 2 р. 25 к. Имеется глава «Л. Н. Толстой» (стр. 179 — 212).

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

НЕИЗДАННЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Со вступительными статьями А. Грузинского и В. Ф. Саводника. Изд. «Федерация». Стр. 342. Ц. 1 р. 50 к., в/п. 1 р. 80 к.

БИОГРАФИИ

Л. Н. ТОЛСТОГО

Бирюков, П. И. Биография Л. Н. Толстого.

Том I. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Стр. XIX + 243 + 88 фотографий на отд. лист. Ц. 1 р.

Том II. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Стр. XII + 230 + 15 фотографий на отд. лист. Ц. 1 р.

Том III. Стр. XIV + 331 + 24 фотографии на отд. листах. Ц. 1 р.

Том IV. Стр. XVI + 265 + 21 фотография на отд. листах. Ц. 1 р.

Гусев, Н. Жизнь Л. Н. Толстого.

Том I. Молодой Толстой. 1828 — 1862. Рисунки Э. О. Визеля и М. В. Нестерова. (Труды Толстовского музея). Стр. 456. Ц. 4 р. 50 к.

Том II. Л. Н. Толстой в расцвете художественного гения. 1862 — 1877. (Труды Толстовского музея). Стр. 296. Ц. 2 р. 75 к.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Величкина, Вера. В золотой год с Львом Толстым. Воспоминания. Со вступительной статьей и примечаниями В. Болч-Бруевича.

Стр. 145. Ц. 1 р.

БИБЛИОГРАФИЯ ТОЛСТОГО

Балухатый, С. Что читать о Толстом. Печ.

Владиславлев, И. В. Русские писатели. Изд. 4-е, перераб. и знач. доп. Стр. 443. Ц. 2 р. 50 к.

На стр. 113 — 126 и 411 — 413 дана библиография произведений Толстого в критико-библиографической литературе о нем.

Мандельштам, Р. С. Художественная литература в оценке русской марксистской критики. Библиографический указатель. Ред. И. К. Пискалова. Изд. 4-е, перераб. (ГАНУ).

Стр. 224. Ц. 1 р. 75 к.

МАССОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Киреев, Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество.

Под ред. Ф. Раскольникова. Печ.

Кубников, И. И. Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество. Под ред. И. И. Лебедева-Полянского. Печ.

Печ.

ПУТЕВОДИТЕЛИ

Алексимов, С. С. Путеводитель по Ясной Поляне. Под ред. А. Л. Толстой. На 4 яз. (Труды Толстовского музея). Печ.

Булаков, Вен. Путеводитель по Хамовническому дому Л. Н. Толстого. (Труды Толстовского музея). Печ.

Грузинский, А. Путеводитель по Ясной Поляне и ее окрестностям. (Печ.).

Печ.

Печ.

Печ.

Печ.

Печ.

Печ.

Печ.

Печ.

Печ.

Печ.

Печ.

Печ.

Печ.

Печ.

Печ.

В середине сентября выходит из печати книга VI журнала

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ, посвященная столетию со дня рождения Л. Н. ТОЛСТОГО

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГСЕКТОР ГОСИЗДАТА Москва, Центр, Богоявленский пер., 4, телефон 2-85-31 и 5-50-80 и во все магазины и отделения Госиздата.